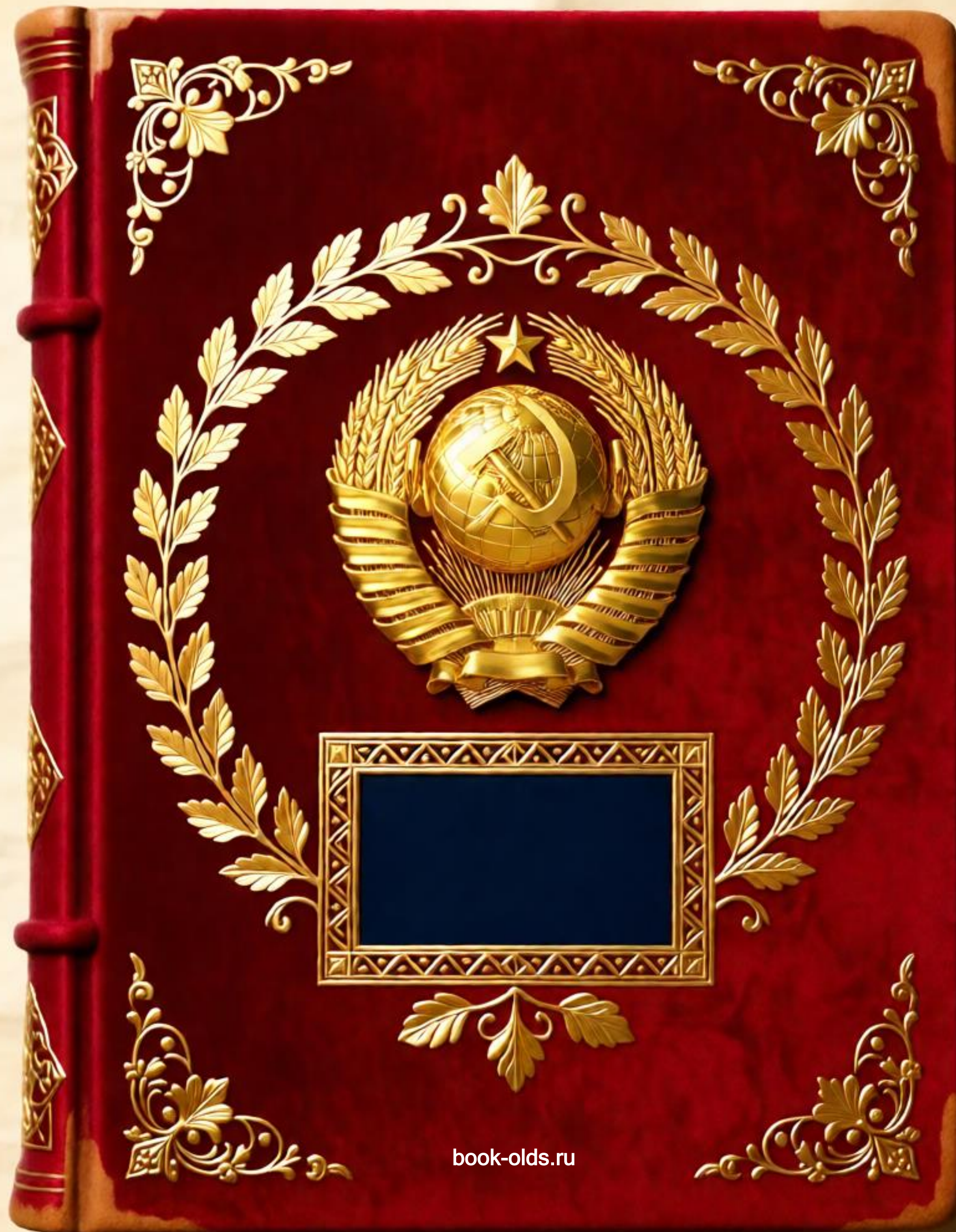

M $\frac{218}{327}$

А. Башуров

M 218
327

ПО ТЮРЬМАМ И ССЫЛКАМ

Воспоминания подпольщика

У р а л о г и з — 1933

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора стр. 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разгром „Правды“.— Тюрьма.— Этапы.

Арест	5
Начало этапных мытарств	13
Типы пересыльной	19
Омская пересыльная	25
Красноярск — Енисейск	30

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Последние сотни километров.— Ссылка.

Приангарский край	41
Состав ссыльных	45
Хлеб насущный	50
Организация ссыльных	54
Политпросветработа	56
Побеги	60
Раскольники ссылки	64

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Освобождение.— Новый этап борьбы.— Победа.

Февральская революция	71
Первое мая	75
Последний арест	80

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статьи.— Документы

„Правда“ в 1912—1913 гг. на Южном Урале	83
Проект устава Чадобского района	86
Отчет ЧРК за февраль 1916 г.	91

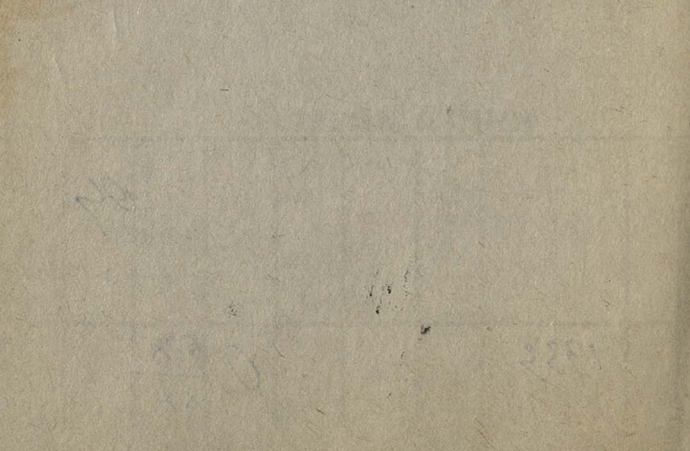

2014149835

4
1

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200
		1933				0	578 88	05

ОТ АВТОРА

За период второй моей ссылки (1910—1913 гг.) мною был собран большой статистический материал о положении и жизни политической ссылки в Приангарском крае бывш. Енисейской губернии. Кроме того, мною были собраны многочисленные письма от ссыльных других районов Енисейской губернии, например из Анциферовской волости, Канского и Минусинского уездов, из села Казачинского, а также от ссыльных Якутской области, Туруханского края, Иркутской губернии. На основании этого материала еще в 1912 г. в ссылке мною была закончена работа о политической ссылке Приангарья.

Вполне понятно, что этот труд, предназначенный для легальной печати старого времени, значительно отличался от настоящей работы.

Во время моего ареста в июле 1914 года в редакции „Правды“ моя рукопись и все материалы о ссылке вместе с другими ценными материалами и книгами были в целях сохранения взяты товарищами.

Потом они были переданы на хранение одному из товарищей в б. Петербурге, а так как передвижка людей была большая, то я не мог впоследствии найти эти документы.

Настоящая брошюра составлена из переработанных и дополненных газетных статей, написанных мною в 1924—1925 гг., главным образом, по памяти и по редким отдельным документам, сохранившимся у меня от ссылки периода 1915—1917 гг. Отдельные факты относительно „Правды“ дополнены и проверены по опубликованным воспоминаниям товарищей, работавших в довоенной „Правде“.

Глава „Первое мая в тюрьме и ссылке“ была напечатана в 1918 г. в 88 номере „Правды“ и затем перепечатана в сборнике „Первое мая“ (Ленинград, Государственное издательство, 1925 г., страница 169—173).

В книжке охватывается предвоенный и военный период. Революция 1905 года и годы реакции являются предметом другого труда.

Однако это не значит, что я должен был ограничиться только фактами из жизни политической ссылки последних лет царского самодержавия. Для того чтобы дать читателю более полное представление о тех или иных важнейших явлениях ссылки или показать разницу положения ссыльных в 1906—1912 гг. от их положения в 1914—1916 гг., я счел необходимым в соответствующих местах обращаться к событиям и фактам, сохранившимся в памяти от более раннего периода ссылки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разгром „Правды“. — Тюрьмы. — Этапы.

АРЕСТ

Расстрел рабочих на далекой Лене гулким эхом прокатился по всей стране. По России пошла волна забастовок. После тяжелых годов реакции начиналось мощное рабочее движение.

Одним из результатов этого движения явилась революционная легальная печать, в частности большой ежедневный политический орган — газета „Правда“.

Это был факт огромного политического значения.

До революции 1905 года о легальной большевистской печати не могло быть и речи. Существовавший в то время политический режим не допускал никакого проявления революционной мысли. Всякую попытку свободно высказаться царское правительство рассматривало, как подрыв основ существовавшего строя, как стремление к свержению самодержавия и старалось немедленно пресечь ее. Особые предохранительные меры были приняты по отношению к печати. Существовала предварительная цензура. Цензорский карандаш вычеркивал все, что, по мнению чиновника, было опасным для существующего строя.

Уже одного этого было вполне достаточно, чтобы не дать возможности проникнуть в печать живой, свободной мысли. Но правительству казалось, что цензура не ограждает его полностью от опасности. Поэтому, наряду с предварительной цензурой применялся еще ряд других предохранительных мер. В частности, от редактора требовалось, чтобы он был политически благонадежным, с высоким образовательным цензом. Таким образом круг людей, могущих быть редакторами, был весьма ограничен. В образовательном цензе ярко была выражена ставка на редактора из зажиточных, эксплуататорских классов. А если паче чаяния, несмотря на все преграды, все же проникало в печать „преступное“ слово, то на виновника обрушивались жестокие кары, определенные многочисленными статьями царского закона.

В 1905 году рабочий класс силой вырвал у самодержавия ряд уступок, в том числе и по отношению к печати. Например,

была отменена предварительная цензура, редактором мог быть всякий (не имевший судимости), даже малограмотный.

Это было по тому времени огромное завоевание, одно из основных условий существования легальной революционной печати. Но все же этого было мало. Силой вырванное должно было и силой удержаться. Как только правительство оправилось от удара революции, оно взяло крепкий курс на реакцию. Так пошли фактически насмарку все обещанные октябрьским манифестом свободы.

С ожесточением работая виселицами, тюрьмами, нагайками и прочими „усмирительными средствами“, царское правительство, однако, старалось показать перед Европой, что обещанные манифестом „незыблемые основы свободы“ не отменены. В силу этого вырванный пролетариатом в 1905 году закон о печати остался юридически неотмененным и царским чиновникам, полиции и жандармам приходилось не мало мудрить всякими статьями и правилами, чтобы, сохраняя видимость существования этого закона о печати, не допустить в то же время никакой „крамолы“, вольномыслия и противогосударственных тенденций.

Но прошли годы мрачайшей реакции. Конец 1910 года был уже началом нового подъема рабочего движения в России. Опираясь на него, на силу масс, мы могли теперь использовать закон о печати для создания своей легальной газеты. Царское правительство вынуждено было примириться с этим фактом. В конце 1910 года возникла легальная газета „Звезда“ (не ежедневная), а через полтора года и „Правда“, большая ежедневная большевистская газета, руководимая из-за границы В. И. Лениным.

К лету 1913 года высоко взметнулась волна пролетарского гнева. Бои развернулись широким фронтом. В Петербурге в то время забастовки перекидывались с одного предприятия на другое. На каждом заводе шла ожесточенная классовая борьба. На сопротивление врага пролетариат отвечал еще большим напором. С каждым днем ширилось и углублялось революционное движение, достигнув к лету 1914 года особенно большого напряжения.

Все говорило о том, что ход событий грозит самодержавию более серьезной развязкой, чем в 1905 году, когда оно обманом, расстрелами и погромами спасло свою шкуру.

События в Петербурге находили отклик в провинции. Царский трон снова основательно зашатался.

Под руководством большевиков рабочие массы все решительнее шли на приступ твердыни самодержавия.

Ликвидаторы (меньшевики), эти лакеи капитализма, напуганные ростом революционной волны, всячески старались дискредитировать революционное движение и в первую очередь его руководителей — большевиков. В своих желтых газетах „Луч“, „Рабочая газета“ и других изданиях они обливали большевиков грязью, клеветали, называли заговорщиками, авантюристами, помогая этим самым охранке. Стачечное движение они клеветнически называли забастовочным азартом. Ликвидаторские кликуши вопили, что мы, большевики, своей безумной политикой ставим под удар завоевания революции 1905 года. Они пророчествовали, что рабочий класс не пойдет за нами, что большевики своей политикой изолируют себя от масс и неминуемо будут разбиты. Наперекор фактам упрямо твердили разные нелепости и небылицы. Однако рабочий класс не пошел за меньшевиками. Он избрал себе верного руководителя — большевиков. Даже те из рабочих, которых удалось опутать меньшевикам, на практике осуществляли политику большевиков — они неизменно наряду с большевиками, со всеми рабочими, активно участвовали в забастовках. Это лучше всего разбивало теориейки меньшевиков о „невозможности и гибельности большевистского пути“.

„Правда“, как боевой орган партий, вела непримиримую борьбу с оппортунистами всех мастей — шаг за шагом разоблачала ликвидаторов, их контрреволюционные теории и лозунги. „Правда“ указывала пути борьбы, руководила боями, вела пролетариат на штурм твердыни самодержавия.

„Правда“ выросла и окрепла под непосредственным руководством, при постоянном сотрудничестве в газете В. И. Ленина.

После выхода первых номеров „Правды“ тов. Ленин переехал из Парижа в Галицию, в Краков, находившийся в нескольких километрах от тогдашней русской границы, откуда удобнее было влиять на революционное движение в России, руководить „Правдой“, сотрудничать в ней, помогать ей.

Владимир Ильич интересовался буквально всеми сторонами жизни газеты, не только политической, литературной, но и хозяйственной.

В начале 1913 г., когда „Правда“ стала опаздывать, приходил к Владимиру Ильичу в Краков вместо утра вечером, что безусловно мешало оперативному руководству газетой, тов. Ленин немедленно забил тревогу, требуя добиться от экспедиции аккуратной высылки газеты. После этого два экземпляра „Правды“ ежедневно рано утром опускались в почтовый ящик на Загородном проспекте.

Тов. Ленин указывал редакции на промахи в газете, отмечал достижения, учил, как нужно ставить большевистскую газету, боролся за боевой большевистский орган печати.

Огромную роль в деле организации и укрепления „Правды“ играл тов. Сталин. Его кратковременное пребывание в Петербурге в конце 1912 года сразу и сильно почувствовалось.

Момент был тогда особо ответственный — период перевыборной кампании в четвертую Государственную думу. Для газеты необходима была не только большая выдержанность и твердость, но и четкая оперативность, которая требовала руководства тут же на месте. Это и пришло с тов. Сталиным.

Большую роль в укреплении „Правды“ после тов. Сталина сыграл тов. Андрей — Я. М. Свердлов.

Рабочие любили свою „Правду“ горячей пролетарской любовью, берегли ее от слуг самодержавия и капитала, отдавали ей свои последние гроши, лучшие свои силы.

Правительство, вынужденное разрешить большевистскую газету, совершенно не намеренно было спокойно созерцать ее разрушительную революционную работу. В „Правде“ оно видело своего главного врага и делало все возможное по обстоятельствам того времени, чтобы задушить боевой орган, отнять у пролетариата его ближайшего руководителя.

Вокруг нашей печати развернулась ожесточенная классовая борьба. Правительство поставило ставку на дезорганизацию работы „Правды“, на подрыв ее материальных ресурсов, истощение редакторских кадров.

Штрафы, аресты газеты, закрытие ее, аресты редакторов, сотрудников — вот программа правительственных мероприятий по удушению „Правды“.

Партия и рабочий класс, используя завоевания 1905 года, по-революционному сочетая в своей борьбе против самодержавия легальные и нелегальные возможности, сумели не только сохранять, но и удержать на подобающей политической высоте свой ежедневный печатный орган. Конечно, условия того времени ставили перед партией огромные затруднения, заставляли нас лавировать, не давали нам возможности говорить полностью так, как мы хотели.

„Правда“ не могла именоваться органом Центрального комитета нашей партии, так как партия была запрещенной. Мы должны были выражаться в газете часто иносказательно. Например, три основных наших требования лозунга: 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли и демократическая республика, т. е. свержение царизма, в открытой печати обыкновенно именовались: „три кита“, „неурезанные

лозунги", вместо „большевик" и „социал-демократ" писали „последовательный демократ" и т. д.

Мы максимально использовали отмену предварительной цензуры. Обязательные номера газеты отправлялись цензору после того, как десятки тысяч „Правды" были уже напечатаны. Вместе с отправкой газеты цензору мы получали право на ее распространение. Благодаря этому даже конфискованные номера „Правды" успевали доходить до рабочего читателя. Сторож типографии, семидесятилетний старик Матвей, не спешил со своей ношей, употребляя более часа на небольшую дорогу от Ивановской, 14 до Чернышева переулка. При аресте газеты цензор звонил в полицейскую часть. Пока оттуда придет околоточный в типографию, „Правда" быстрым непрерывным потоком льется на улицы Петербурга, на окраины к фабрикам, заводам, моментально расхватывается у газетчиков. Совершенно бесполезно было пытаться задержать в городе конфискованную „Правду". И провинция в таких случаях не оставалась без „Правды" — тысячи экземпляров ее прятались рабочими экспедиции и типографии от полиции, а затем, когда околоточный уходил, извлекались из-под макулатуры, упаковывались багажом под видом посуды или других товаров, зашивались посылками и отправлялись по городам и рабочим поселкам.

На штрафы рабочий класс отвечал постоянными сборами средств на свою газету, создав впоследствии „железный фонд".

На случай закрытия газеты у нас имелось всегда несколько разрешений на новые газеты, причем во всех новых названиях обязательно сохранялось слово „Правда".

Частые аресты редакторов по замыслу правительства не только должны были бить нас материально, но и сорвать нашу работу из-за отсутствия редакторских кадров. Самоотверженная поддержка широких рабочих масс дала „Правде" возможность преодолеть и это затруднение. На газете было всегда два редактора — один фактический, а другой юридический, подписывавший номера и несший перед правительством ответственность за газету. Таким путем сохранялись редактора, фактически ведущие редакторскую работу. Без подставных редакторов, которых питерский пролетариат давал своей газете всегда в достаточном количестве, газета рано или поздно должна была бы закрыться, исчерпав редакторский резерв.

Чем выше поднималась кривая забастовок, тем чаще и внушительнее обрушивались удары на пролетарскую печать. В усилении репрессий переломным моментом служит лето

1913 года, когда забастовочное движение получило очень широкий размах.

Если „Правды“ выпущено было 356 номеров, просуществовала она более года (с 23 апреля 1912 года по 3 июля 1913 года), то последующие издания „Правды“ под различными заголовками существовали буквально неделями, выпускались лишь десятками номеров. „Рабочей правды“ вышло всего 17 номеров, из них 12 конфисковано, „Северной правды“ выпущено было 31 номер, 20 конфисковано, „Правды труда“ выпущено 20 номеров, 12 конфисковано. Только „Путь правды“ имел 92 номера (с 22 января по 29 мая 1914 года).

С каждым днем росли затруднения в распространении газеты. Если в Питере пролетариат организовал доставку газеты собственными силами по коллективным адресам, минуя почтамт, то в провинцию „Правда“ могла быть отправлена только через почту или железную дорогу. Как ни маскировали мы отправку конфискованной „Правды“, все же известное количество ее попадало в руки царских чиновников и не доходило до места. С учащением конфискаций „Правды“, участились и случаи недоставки ее на места. Получался отрыв от подписчика. Тираж газеты начал быстро падать, нужно было перестроиться. И редакция изменила свою тактику. Несколько номеров выпускались так, чтобы не было даже зацепки для конфискации. Весь материал, за который могла быть конфискована газета, помещался в одном номере. Экспедицию обыкновенно предупреждали, ожидается или нет конфискация газеты. Если было предположение, что номер будет конфискован, то в экспедиции согласно этому и строили свою работу. Печатали газеты столько, сколько нужно для города и можно разослать посылками в провинцию. Газетчики отпускались в такие дни возможно скорее. Остальное пряталось, а потом, после ухода полиции, в различных почтовых отделениях по 2—3 посылки сдавалось для отправки в разные города России. Благодаря таким мерам наши связи с провинцией начали восстанавливаться, тираж газеты стал быстро расти и скоро поднялся до прежних размеров.

Много хлопот работникам „Правды“ доставляли частые закрытия газеты. Они вызывали вместе с тем и новые накладные расходы.

Бывало очень поздно вечером, часов около 12, когда материал почти весь уже набран и в основном номер сверстан, получалось сообщение о закрытии газеты. На такой случай у нас всегда были в запасе разрешения на новую газету. С этой стороны дело обстояло благополучно. Без задержки мог выйти

очередной номер „Правды“ под новым названием. Но для этого требовалось соблюдение формальностей. В новой газете должен быть указан новый адрес редакции и конторы, в противном случае издание по закону считалось продолжением закрытой газеты и подлежало немедленному закрытию, а редактор и издатель привлекались к судебной ответственности.

Немедленно, как только становилось известным распоряжение о закрытии газеты, в типографии начиналась горячая работа по смене заголовка, подписей редактора и издателя, из текста тщательно убиралось всюду старое название газеты и заменялось новым.

Часть товарищей пускалась на спешные розыски помещения для „новой“ газеты. Обыкновенно вблизи Ивановской улицы, где-нибудь на Загородном находили комнату и объявляли ее редакцией и конторой нового издания. Переносили туда на несколько дней стол, пару стульев, садили одного человека и все было в порядке, — закон соблюден, а газета выходит без перебоя.

Заводились новые книги и различные документы, через несколько дней оформлялась передача дел (подписчиков, имущества, квартиры и проч.) закрытой газеты новому изданию, и мы формально водворялись на старую квартиру.

Так повторялось при каждом закрытии газеты. А их было не мало. За два года „Правда“ имела следующие названия: 1) „Правда“, 2) „Рабочая правда“, 3) „Северная правда“, 4) „Правда труда“, 5) „За правду“, 6) „Пролетарская правда“, 7) „Путь правды“, 8) „Рабочий“, 9) „Трудовая правда“.

За первый год существования было конфисковано и привлечено к суду 36 номеров, штраф был наложен на 16 номеров в общей сумме 7800 рублей, что при замене дало 78 месяцев тюрьмы редакторам.

За второй год конфискован и привлечен к суду 101 номер, оштрафовано 15 — на сумму 6400 рублей или 64 месяца тюрьмы. „За возбуждение классовой розни и по 1034 статье газету привлекали 64 раза, по статье 129 „за ниспровержение существующего строя“ привлекали 53 раза¹.

Несмотря на жесточайшие репрессии, „Правда“ волею партии и пролетариата продолжала существовать, возрождаясь после каждого закрытия, как мифический феникс из пепла, меняя свое название, но не сдавая своего революционного поста.

¹ Н. Кузьмин. — Сборник „Путь правды“. Тверское изд., 1922 г.

В момент наибольшего напряжения стачечной борьбы летом в 1914 году самодержавие решило не допустить „Правды“ до рабочих, чтобы лишить этим самым рабочие массы оперативного ежедневного руководства, разбить их на голову.

Отряды полиции чуть не с вечера заполняли типографию и двор. Во время печатания газеты полиция окружала машины, пытаясь до отправки „Правды“ цензору стащить из ротации экземпляры газеты.

В эти дни на помощь работникам экспедиции приходили работники конторы.

Ротационная охранялась от полицейских группой товарищей, другие помогали вынести и вывезти газету из типографии. Отпуск газеты из экспедиции пришлось перестроить согласно сугубо боевому моменту.

Если в обычные дни мы имели достаточно времени, чтобы, даже при аресте газеты, сплавить в город десятки тысяч экземпляров, то совершенно иначе обстояло дело теперь. Полиция подавала автомобиль для сторожа Матвея. Как только он выходил из ворот, его усаживали на машину и быстро мчали к цензору. Последнему достаточно было бегло взглянуть на первую страницу, чтобы заключить о характере номера. Немедленно давалось по телефону непосредственно в типографию распоряжение об аресте газеты. Таким образом в нашем распоряжении было не больше 5—7 минут, в которые мы должны были выбросить в город газету. Устраивались мы обыкновенно так. По мере выхода газеты из машины, мы получали заказы на газету, деньги, рабочие связывали „Правду“ в пачки соответственно заказам, каждого газетчика и рабочего ставили около своей связки. Как только выходил сторож Матвей за ворота, я давал сигнал и все с газетой бросались из экспедиции. Полиция пускалась в погоню, на дворе устраивалась ловля бегущих, но ленинградского газетчика поймать не легко. Полиция обыкновенно оставалась ни с чем. „Правда“ быстро разносилась по заводам, продавалась газетчиками из-под полы. В первый боевой день полиция в суматохе, увлеченная борьбой с газетчиками, забыла предупредить почтамт об аресте нашей газеты. Я не знал об этом, но поручил на всякий случай рабочему экспедиции Виноградову доставить газету на почту, и арестованная „Правда“ была разнесена почтальонами по подписчикам.

Полиция придиралась по каждому маленькому поводу, чтобы задержать газету. Вот, например, какой инцидент однажды произошел у ворот типографии. Вынесли на улицу

тюки газеты, уложили их извозчику в пролетку. Только тронулись, стоящий у ворот околоточный крикнул:

— Стой!

— В чем дело? — спрашивает товарищ. Околоточный осматривает пролетку.

— Езжай в участок!

— В чем дело?

— Езжай, — орет околоточный.

Товарищ заявляет, что его не имеют права задерживать.

— Я вас не задерживаю, отвечает околоточный, а у него пролетка в неисправности.

Газету пришлось сложить на мостовую. Сходили за новым извозчиком, с ним повторилась та же история. Так сменили несколько извозчиков. Газета все же была доставлена в районы.

Несколько дней под ряд на Ивановской 14, в типографии Березина, где печаталась „Правда“, шла ожесточенная борьба между работниками газеты и полицией. „Правда“ выходила из этих схваток победительницей. Она аккуратно появлялась в рабочих кварталах, организуя пролетариат на новые бои.

Убедившись в бесполезности попыток изолировать „Правду“ от масс, правительство прибегло к крайней мере. Оно решило самым откровенным образом, не считаясь с фиговыми листочками торжественно объявленного закона, ликвидировать „Правду“.

В один из теплых июльских вечеров в редакцию явился отряд полиции. Газета была закрыта. Сотрудники арестованы.

Пошли обыски и аресты по квартирам. В участках столицы оказались — А. С. Енукидзе, А. С. Киселев, Н. А. Скрипник, С. В. Малышев, Никифорова и многие другие.

НАЧАЛО ЭТАПНЫХ МЫТАРСТВ

Предварительно продержали нас несколько месяцев в полицейских участках столицы.

Поместили нас в Спасскую часть около Покровской площади. Политических в петербургских тюрьмах и полицейских участках сидело в то время много. Каждый день шли обыски и аресты. Сперва нас посадили в одну камеру с путловскими рабочими, но уже через день нас изолировали от рабочих, перевели на отдельный коридор в две большие камеры, двери которых никогда не закрывались.

Чувствовали мы себя сравнительно свободно. Сразу же организовались, устроились коммуной, повели культработу, избрав для этого культурно-просветительную, или „балдеж-

ную", как называли мы ее в шутку, комиссию. Председателем ее был С. Малышев, веселый человек, шутник, организатор различных затей.

Администрации очень не нравилось наше непринужденное поведение, и она задумала прибрать заключенных к рукам, раз'единить нас, посадить мелкими группами по отдельным камерам.

Но это было не так-то легко сделать. Ожидали, что мы дадим решительный отпор полицейскому наскоку. Поэтому под каким-то предлогом некоторых из нас перевели в первую Рождественскую часть. Перевозили по несколько человек в арестантском автомобиле. Мы не преминули этот случай использовать для небольшой демонстрации. Когда автомобиль с группой, в которой был и я, выехал на Невский проспект (как звали в то время нынешний проспект 25 Октября), один из товарищей вывесил в маленькое заделанное решеткой оконщель красный носовой платок. Импровизированное красное знамя развевалось позади автомобиля вплоть до участка, обращая на себя внимание многочисленной публики петербургских улиц.

Сопровождавший нас городской, сидевший вместе с шофером, ничего не подозревал о нашей дерзкой демонстрации. На раздававшиеся же в автомобиле революционные песни он не мог реагировать, бессильный один что-либо предпринять против нас. Только предупредительные стуки стража раздавались в переднюю стенку да все быстрее мчалась машина.

В Рождественской части режим был сравнительно сносный. Но вскоре нас снова перевели в Спасскую часть. Здесь мы нашли совершенно изменившуюся обстановку. Оставшихся в Спасской товарищей рассадили по маленьким камерам в различных этажах. Нас сразу после возвращения также посадили по три-четыре человека в небольшие камеры.

Прежним вольностям пришел конец. Ни бесед, ни культурных развлечений. Общения с товарищами никак нельзя было установить,—мы крепко сидели под замком круглые сутки. Городовой на коридоре зорко охранял наше одиночество. Питание резко ухудшилось.

Хорошо, что не долго пришлось просидеть в таком положении.

Вызвали однажды нас в полицейскую канцелярию и объявили об административной высылке. Охранное отделение не потрудились даже соблюсти такую формальность, как предварительный допрос обвиняемых.

Правда, оно пыталось это сделать, но потом решило упростить процедуру. Вскоре после нашего ареста несколько человек из нас были взяты по одиночке на допрос в охранное отделение, в числе их был и я.

Посадили меня в карету, запряженную парой вороных дышлом. Рядом уселся пристав, задернув окно кареты занавесками. Мы быстро помчались на Петербургскую сторону. На попытку хоть одним глазком взглянуть на улицу получалось суровое предупреждение пристава. В охранном отделении поместили в одиночной камере в подвальном этаже. Два дня никто не интересовался мной. Приставленный для охраны жандарм был нем, как рыба. Молча приносил он утром и вечером чай, подавал днем обед; не проронив ни слова, выпускал по стуку в дверь оправиться. На рваном, продавленном клеенчатом диване, где я должен был спать, не было ни одеяла, ни подушки.

Удручающая тишина, полная неизвестность должны были, по мысли охранников, производить известный эффект на психику человека и делать его податливым на допросах. Но как жестоко ошиблись они! Никто из нас не сказал того, что хотелось бы услышать агентам охранного отделения, никто не разоблачил „преступного сообщества“, никто не дал материала для привлечения нас по какой-либо статье царского закона за политическую деятельность.

Сам допрос также обставлялся таинственностью. Меня, например, к агенту вызвали поздно ночью. С первых же моих ответов он убедился в бесполезности допроса и наш дальнейший разговор был короток, носил чисто формальный характер, так как охраннику неудобно было оборвать его после первых, потерпевших неудачу, вопросов. Ни протокола допроса, никаких записей.

А одного товарища, продержав трое суток в отделении, даже не допросили.

На этом окончились наши невольные экскурсии на Петербургскую сторону.

Создать „дело“ при таких условиях не представлялось возможным. Пришлось ограничиться административной ссылкой. Большинство пошло в Енисейскую губернию на 3 года.

Таким образом я третий раз пошел в ссылку.

Этапные мытарства начались с Петербургской пересыльной тюрьмы. Это была „образцовая“ тюрьма. В высокой камере было светло и чисто. Даже питание по сравнению с другими пересыльными тюрьмами было удовлетворительное, но зато и режим был „образцовый“, убийственный.

Из вещей в камеру допускались только подушка и одеяло. Если нужны были, например, в холодное время перчатки, то необходимо было иметь на них особое разрешение начальника тюрьмы.

Ни оживленных разговоров, ни быстрых движений не разрешалось. Нельзя было останавливаться около окна, двери, прислоняться к стенке, тем более лежать в неподобающее время.

На прогулку пускали только на 15 минут. Сидели, как звери в клетке. Решетчатая дверь как нельзя лучше гармонировала со всей обстановкой — зверинец да и только.

Малейшее отклонение от правил вызывало грубый окрик надзирателя и репрессии.

Но мы все же ухитрялись обходить препятствия и устраиваться по-своему. У нас было одно развлечение — самое преступное с точки зрения тюремной администрации — свежая газета. Доставали мы ее через уголовного заключенного — уборщика коридоров.

Бывало, глаз не спускает надзиратель с коридорного во время утренней уборки. А коридорный дал уже нам знать, что есть передача. Мы стараемся быть ближе к дверной решетке, — только на секунду зазевался надзиратель — и газета в наших руках.

Прочитать газету на глазах надзирателя было, пожалуй, труднее, чем ее получить. Применяли такой способ — сидишь за столом и делаешь вид, что читаешь глупейший роман, выданный из тюремной библиотеки, а в книге свернута газета. Так по очереди и устраивались.

Главная тяжесть сидения в тюрьме заключалась в убийственном однообразии. Отсутствие свежих впечатлений, ежеминутная настороженность, чтобы избежать репрессий и „историй“ — натягивали наши нервы. Нужно было 16 часов в сутки или просидеть, или медленно разгуливать по камере, бесконечно, до одури кружась вокруг длинного обеденного стола.

Особенно тяжело чувствовали себя новички. Тов. Качалов, юноша 20 лет, столяр обнаружил через некоторое время признаки нервного расстройства.

Первые дни нашего пребывания в пересыльной проходили еще сносно. Естественно, что товарищей, не бывавших в Сибири, интересовали эти далекие окраины, в которых им предстояло прожить несколько лет. Я, живший в таких краях, как Туруханский и Приангарский, служил источником, из которого товарищи могли почерпнуть необходимые сведения. Целыми часами ходили мы 3—4 человека по камере и беседовали

про Сибирь. Помню, с увлечением рассказывал про сибирскую природу, чудные виды Приангарья, знакомил со способами передвижения, какими нам придется добираться до „своих“ деревень, говорил я о характере и быте ангарского крестьянина и тунгуза-кочевника.

Однако, несмотря на все богатство материала, тема, наконец, была исчерпана. Скучища до тошноты повисла над нами.

И как мы несказанно обрадовались, когда объявили однажды утром:

— Собирайся в этап!

Сборы были невелики.

Впереди предстояло много испытаний. Голод, холод, грязь, издевательства надзирателей и конвоя. Пусть так, а все-таки едем. И в ссылке не сладко будет, но она против тюрьмы меньшее зло.

Мы не выражали никаких претензий, когда принимавший нас конвой отбирал от нас чайные ложки, мыло, зубные щетки. О зубной порошке и махорке, тем более, нечего было говорить—это были самые страшные для начальников конвоя предметы.

— Молчи! чорт с ними!—говорил А. Киселев.—Главное едем. Да, это было самое важное.

Скованных попарно наручниками для предупреждения побегов нас под двойным кольцом конвоя погнали на вокзал.

Загнали в арестантский вагон. Тесно, пыльно, душно...

Тронулись. Торопливо бежали на запад скудные поблекшие поля. Осенний дождик плакал на окнах вагонов. Хотя и надоела нам петербургская пересылка, а все же грустно стало при прощании с городом-великаном. Всего еще несколько недель назад на его улицах кипела революционная борьба. Война как-то сразу оборвала высоко поднявшуюся волну пролетарского гнева. Террор опричников царизма становился свирепее с каждым днем. Какая-то жуткая тишина воцарилась в этом беспокойном городе. Но лев присмирел на время.

С питанием в пути стало хуже. На пересыльного отпущалось всего 10 коп. в сутки. Но и из этих скудных средств конвоиры воровали при закупке продуктов. Кипятку, даже холодной воды, трудно было достать—конвоиры ленились, видимо, полагая, что пить для нас не обязательно.

Первая остановка в пути была в Вятке. Неприветливо встретила она нас. От вокзала до тюрьмы несколько километров. Снова нас сковали попарно. Подвод для багажа не дали. По грязи, по растоптанной вязкой глине, двинулись мы в город. Ослабленные физически сидением в тюрьме, мы

с трудом могли тащиться, а тут еще нужно было нести на себе багаж. Некоторые товарищи с половины пути совершенно изнемогли. Приходится удивляться, как мы добрались до тюрьмы.

Замедлять ход было нельзя. Конвоир прикладом в спину подбодрял уставших.

Помню один небольшой инцидент. Кто-то из партии начал отставать. Несколько раз бранью подгонял его солдат. Но это не могло придать уставшему сил. Тогда конвоир решил „подбодрить по-настоящему“ и сразмаху ударил прикладом в спину. Арестант, отброшенный на несколько шагов вперед, не упал только потому, что другой конвоир спереди поддержал его хорошим ударом приклада в грудь.

На одной из окраинных улиц города нас буквально загнали в болото, по колено в грязи брели мы по дороге. Уголовные были обуты в коты и лапти, большинство из политических в ботинки. Все мы зачерпнули в достаточном количестве воды и грязи, некоторые пооставляли в грязи галоши и коты, засосанные цепкой глиной. А остановиться было нельзя — того и гляди — влетит по затылку.

Солдаты в высоких сапогах пробирались сторонкой по мосткам, а нас порой намеренно загоняли в трясины. Часть арестантов пришла на тюремный двор в оригинальном виде — одна нога обута, другая босая.

Тюремная администрация сверила принимаемых от конвоя арестантов с фотографическими карточками. И все-таки ее обманули — двое уголовных поменялись. Менка фамилий была нередким явлением среди пересыльных. Обычно каторжанин покупал за несколько рублей охотника из идущих в ссылку на поселение поменяться ролями. Когда выкрикивалась фамилия каторжанина, за него отзывался поселенец, который потом и шел под чужой фамилией на каторгу, а каторжанин — на поселение, откуда обычно убегал.

Вятская пересыльная напоминала средневековье, — „святую инквизицию“: грязный темный коридор и низкие каменные сводчатые потолки, опирающиеся на неуклюжие стены.

В камере пришлось разместиться на грязном полу, давно не видавшем швабры. Но мы были рады и этому. Устроились, кто как мог.

К счастью, мы здесь долго не задержались.

Вятский конвой особенно нас не стеснял. Мы даже имели возможность в вагоне петь хором.

В Перми была только смена конвоя. Состав его оказался скверным. Пошли придирки. Нас постоянно осыпали бранью,

запретили курить, при выражении малейшего недовольства внушительно поднимался приклад.

Екатеринбургская тюрьма ничем особенно не отличалась. Правда, в ней было свободнее и немного лучше кормили. Здесь, как и в Вятке, вздумали нас сводить в тюремную баню. На баню нам в этапе вообще не везло. В Вятке загнали нас в такую адскую жару, что через минуту мы без памяти выскакивали в холодный предбанник, не успевши помыться. В Екатеринбурге же с баней вышло несколько иначе. Только успели намылить голову, как закрыли воду, и надзиратель свирепо закричал.

— Выходи! Одевайся!

От паразитов в тюрьме, особенно в этапе, не было никакой возможности избавиться. Они с каждым днем одолевали нас все больше. Не помогли даже ежедневно устраиваемые „охоты“. Никакие предохранительные меры не спасали. Отсутствие бани, невозможность сменить белье, грязные камеры с кишасшими в каждой щели паразитами — делали бесполезными всякие усилия. Мы терпеливо ждали прибытия на место ссылки, где могли основательно очиститься только через несколько недель.

ТИПЫ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ

Пересыльная тюрьма всегда отличалась разнообразием своего населения. Здесь можно было встретить всевозможные национальности и „профессии“. В одной камере сидели самые различные типы — от мелкого жулика, „ширмача“ (карманный воришка) до матерого преступника, выдавшего виды, не раз бывавшего в Сибири и на каторге.

Царское правительство с целью унижить политических, дискредитировать их, смешать в глазах широкой публики с ворами и дегенератами, совершающими чудовищные преступления по своей дефективности, намеренно садило политических вместе с уголовными, обращаясь с политическими в таких случаях подчеркнуто грубо, провоцируя уголовных на эксцессы против политических.

Во время империалистической войны население пересыльных тюрем обогатилось еще одним „видом“ — военнообязанными. В эту категорию попадали подданные воюющих с Россией стран. Их отправляли в глухие места Сибири. Были и одиночки военнопленные.

В нашей партии было несколько человек военнообязанных — все немцы. Все они были весьма довольны своей Гер-

манией, ее бюрократией, кайзером. Все там прекрасно. Массы работают, изредка голосуют. Избранные законодательствуют, социалистические депутаты произносят в парламенте речи, бюрократия и военщина управляет. Что еще нужно для „культурного“ человека?

Был один военнопленный австрияк, служивший в Красном кресте. Попал он в плен при отступлении своей части, подбывая раненых.

Он тоскливо глядел в окно вагона. Дивился тому, что в России много церквей и говорил:

— У русских кирка (церквей) много, а тут (при этом показывал на свой лоб) мало.

Особенно немцев удивляла необъятность наших пространств. Везут их тысячу верст, другую, третью, а все конца России нет. Они спрашивали:

— Когда же конец (т. е. граница А. Б.) России?

— До конца еще далеко! — отвечали им.

Их, привыкших к сравнительно небольшим пространствам европейских государств, поражала такая громада.

Среди уголовных были „замечательные“ личности. В Вятке к нам влился один такой тип. Это был вечный бузила и в то же время отъявленный трус. Он удивительно много сквернословил — в бога, богородицу, в душу на каждом шагу слышалось от него. Вкатившись в камеру, он сразу же разразился градом ругательств, но увидев политических, счел необходимым познакомить нас с образом своих действий:

— Не беспокойтесь. У вас мы ничего не украдем, а вот у них (он указал на немцев) украсть не грех.

По профессии он был „кдюшник“ (на жаргоне уголовных преступников церковь называется „кдюка“, „кдюшник“ — специалист по ограблению церквей), так он по крайней мере себя именовал. Но от него мы никогда не слышали хвастливых разговоров о своих „делах“, как это обычно делают уголовные подобного ему типа, много и смачно рассказывая об удачных, рискованных, полных приключений „операциях“. Элемент прикрашивания играет немаловажную роль в этих рассказах. Скомканная, беспощадно раздавленная буржуазным строем жизнь рождает в уголовном потребность чем-нибудь украсить, расцветить ее. Рассказчик хочет казаться героем, ловко выкручивающимся из самых сложных положений, хитро проводящим органы надзора и следствия.

Сидевший с нами „кдюшник“ хранил строгое молчание о своих воровских похождениях, но все же хотел казаться героем, хотя блеснуть ему из своей практики, видимо, было нечем.

Его хвастливые рассказы были исключительно любовного содержания. Одно уже это говорило о том, что человек присвоил себе „профессию“, источник его существования должно быть был другой, такой, о котором неудобно, неприлично говорить даже среди уголовных. Характер его рассказов лучше всего указывал на основной способ извлечения средств к жизни, это, по всей вероятности, был сутенер (кот) и мелкий воришка.

Среди уголовных особенно выделялся молодой человек в пенснэ. Вел он себя очень скромно. Мы вскоре близко познакомились с ним. Парень оказался не глупым, сравнительно начитанным и даже интересным собеседником. Он много с нами беседовал о своем прошлом. В его рассказах не было обычного хвастовства уголовных. Все было просто и ясно, как бывает в жизни.

Он старался осмыслить свое положение, много об этом думал, пытался теоретически обосновать свой жизненный путь.

Он был сторонником теории итальянского буржуазного ученого Ломброзо о прирожденных преступниках (не социальные условия, а физические и душевные, данные природой, делают человека преступником). Хотя эта теория явно противоречила фактам его собственной жизни.

Будучи еще юношей, он работал конторщиком в одном предприятии. Управляющий заставил его сделать подлог. Дело раскрылось. Суд. Тюрьма. Когда вышел из тюрьмы, никто не принимает на работу. Жить стало нечем, начал воровать.

— Только скоро бросил, очень уж пакостное дело. Подумал немного и понял, что в каждом городе лежат мои деньги. С тех пор я стал получать их по чужим почтовым переводам. Приезжаю в новый город, знакомлюсь с почтальоном. Он сообщит мне на чье имя есть крупные переводы. Сделаю паспорт на это имя и получаю деньги. Чистое дело и никого не обижаю. Ну а царскую казну наказать не грех.

— Как же попали?

— Пожадничал. Задержался в одном городе — больше переводов хотел использовать.

Он часто вспоминал свое детство, город Чердынь, Пермской губернии, школу, заботы матери. В прошлом, казалось, так было светло и хорошо, а теперь ссылка в Сибирь, кандалы, заколдованный круг преступлений, из которого почти невозможно вырваться. Но у него давно назрела мысль переменить образ жизни. Он ждал только момента освобождения на поселение. Задача нелегкая — снова привыкать

к трудовой жизни, зацепиться, найти работу, кусок хлеба. Однако он не унывал.

— За какую угодно работу возьмусь!

— А как с теорией Ломброзо?

— Вы меня, признаться, поколебали. Это и послужило последним толчком к окончательному решению, придает мне силы и уверенность в успехе.

А вот человек крупного полета, из уголовной аристократии. В обыкновенное время на воле на нем костюм с иголочки; воротничок, галстук, манжеты, шляпа-котелок. Мanners и выражение солидного делового человека. Иначе нельзя, — его к этому обязывает „специальность“. Он „работает“ по банкам. „Работа“ очень сложная, требует выдержки, умелого подхода к людям и внешности приличного господина.

Зато „работа“ чистая и доходная. „Операции“ сразу совершаются на тысячи. „Работа“ ведется по плану, без спешки. Месяцами иногда обдумывается „интересное дело“.

Эти люди любят пожить — им нужны комфорт, культурные развлечения, книга. Он очень много читал. Знаком был с экономическими вопросами.

— Жалко, „Капитал“ Маркса не удалось прочитать.

Он тоже имел свою теорию.

— Чем я хуже буржуа? Я, как и он, живу на нетрудовой доход. Только разница в том, что капиталист свой доход узаконил, оформил разными статьями „положений“. Он хорошо живет. Я тоже хочу так жить. Если хотите — я лучше капиталиста — мне грошей бедняка не нужно. Я беру у буржуазии, царского правительства, эксплуатирую эксплуататоров. Я протестую против закона потому, что он сам есть беззаконие.

Был у нас и представитель особой, оригинальной „профессии“ — „кувыркало“. Этого типа люди обыкновенно из тех неудачников в жизни, кто не умеет применить свои силы и на уголовном поприще. Их промысел очень простой. Они все время ходят по этапам. В больших городах живут недолго. Полиция забирает их, как сомнительных, без определенных занятий лиц и по „блоку“ (этапом) направляет к месту приписки. А так как он бос и наг, то дадут ему коты, бушлат, штаны, а зимой и полушубок.

Привозят „кувыркало“ на место жительства и освобождают, — он продает с себя „обмундирование“, выручает некоторую сумму денег и с ними опять движется в большой город или столицу за новыми штанами или полушубком. Опять высылается, получив „обмундирование“, снова воз-

вращается — и так без конца. Всю свою жизнь „кувыркается“ человек. Этим главным образом и кормится.

А вот еще интереснейший тип.

Он бежал из Забайкальской каторжной тюрьмы. Перед нами, политическими, он не скрывал своего прошлого. Попался в Вологде, назвался чужим именем, крестьянином Минусинского уезда какой-то отдаленной волости. Хотя по справкам оказалось, что названное им имя существует, но арестованного заподозрили как беглого, и направили в указанную им волость для очной ставки.

— Уличат на месте?

— А зачем я пойду в деревню? До Минусинска не побегу — ведет солдатский конвой, — поймают или убьют. Из Минусинска в деревню направят сельским конвоем. Глухими местами поведет меня какой-нибудь мужик. Тут дело просто — мужика в канаву и пошел куда угодно. Ищи потом меня.

Это был обычный прием бежавших серьезных преступников.

Но в тюрьме наряду с яркими представителями уголовного мира часто можно было встретить при царском строе неповинных людей. Был такой и в нашей партии.

Дело было простое и в то же время обычное. В деревенский праздник пьяные мужики ухлопали в драке парня. Наш знакомец в драке не участвовал, но злые на него старшина и урядник оговорили мужика, и он пошел в Сибирь на поселение.

Тюремная жизнь шла мимо него. Он весь ушел в тревожные думы о земле, о хозяйстве. Знающих Сибирь долго и подробно расспрашивал, как живут крестьяне в Сибири, легко ли получить землю, приняться за хозяйство.

Такие люди, приходя в ссылку, нанимались сперва обыкновенно в работники, а затем цеплялись за свое хозяйство. Семейные переводили к себе семьи, а холостые уходили в дом, женились на вдове — крестьянке или дочери — одиночке.

„Лягавый“, или более распространенное название „сука“ — так на тюремном языке назывался шпион, информировавший за мелкие подачки администрацию о том, что происходит среди арестантов.

Сеть таких агентов давала администрации возможность быть в курсе арестантской жизни, находить спирт, карты, предупреждать побег и т. д.

Но „лягавый“ рано или поздно разоблачался сокамерниками. Тогда администрация открыто брала его под свое покровительство, его изолировали от общей массы, сажали

в особую камеру, которая носила среди арестантов характерное название — „сучий куток“.

Эта категория заключенных вызывала особую ненависть и всеобщее презрение. Если администрация во-время не успевала изолировать разоблаченного наушника, уголовные жестоко расправлялись с ним, чаще всего убивали. „Сучий куток“ и даже перемена тюрьмы не всегда спасали „лягавого“ — из тюрьмы в тюрьму передается весть о том, что такой-то „сука“. В очень редких случаях „лягавому“ удалось избежать расправы.

Сама администрация презирала „лягавых“. Она выжимала из них все, что могла, а потом старалась от них избавиться, перевести в другую тюрьму. Разоблаченный „лягавый“ становился для администрации бесполезным, доставлял лишь хлопоты.

В арестантских вагонах для „лягавых“ отводились особые отделения, при пешеходных переходах за ними был особый надзор — охрана конвоиров. Но и такие предохранительные меры не всегда спасали от мстительной руки.

Особо ненавистных „лягавых“ убивали чуть не на глазах администрации. Врываясь в „сучьи кутки“, ломая ночью решетки особых отделений в вагонах, арестанты приканчивали своих предателей.

Во время войны в тюрьмах встречались арестованные по подозрению в шпионаже. С нами шел такой из Ковно. Вертлявый заискивающий перед администрацией, он производил отталкивающее впечатление.

У него не было, конечно, никаких убеждений и принципов. Это была продажная шкура. Им руководило одно — больше и легче достать денег. За деньги он готов был что угодно сделать и продать. Войну он рассматривал, как удобный случай половить в мутной воде рыбу.

В Ковно он работал на военные учреждения. Пытался продать германским шпионам планы крепости и засыпался, но сумел увернуться от военного суда и пошел лишь в административную высылку в Енисейскую губернию на 5 лет.

У этого прохвоста было явное намерение примазаться к нам, выдать себя за политического, но мы решительно отмежевались от него. В Красноярской пересыльной тюрьме нам пришлось применить к нему крутые меры. Сидя в бараке с уголовными (в Красноярске политические сидели отдельно), он выдал там себя за политического, сделал какую-то гадость, возмутившую даже уголовных. Последние нас поставили об этом в известность. Мы делегировали в со-

седний барак своего представителя, который от лица все политических заявил, что мы ничего общего не имеем с проходимцем и ответственности за его поступки не несем.

С ним добровольно шла в ссылку жена, молодая, скромная женщина. Обращался он с ней крайне грубо и цинично. Она смущалась, робела, но безропотно все сносила, видимо, находясь у него в кабале. Оказалось, что молодая женщина — еврейка, против воли суровых родителей — мещан, нарушив дикие предписания религии, ушла из дома за поляка. Родители от нее отказались, а муж, воспользовавшись безвыходным положением женщины, превратил ее в свою рабу.

А вот и инвалид из уголовного мира. У него „все в прошлом“. „Работал“ он на поездах, ловко вырезая карманы и вскрывая чемоданы пассажиров. Это был когда-то представительный господин. Ездил не иначе, как в вагоне первого класса. „Зарабатывал“ очень хорошо. Крупную „рыбу“ ловил.

Теперь он одряхлел. С трясущимися руками, обдерганный, обмызганный он производил жалкое впечатление. Шел он в один из сибирских городов по какому-то старому делу. На „работу“ он уже не годен. У него ничего нет в будущем, зато богато его прошлое. Он и жил всецело этим прошлым. Любил целыми часами рассказывать про свои похождения, крупные „заработки“, веселую пьяную жизнь, про женщин и карты и тоскливо заканчивал:

— Куда я теперь? Инвалид — одно слово.

ОМСКАЯ ПЕРЕСЫЛЬНАЯ

Из Екатеринбурга нас отправили недели через полторы.

Осенний воздух стал значительно свежее. Местами на полях виднелся уже снег.

Через несколько часов езды мы оставили за собой Урал.

Чем ближе мы под'езжали к Омску, тем больше волновались. Про Омскую пересыльную тюрьму ходили очень нехорошие слухи.

На второй день к вечеру показались отдаленные огни.

Уже совсем стемнело, когда мы двинулись с вокзала. До города нужно было отмерять пешком, не менее пяти километров. В городе, несмотря на то, что была уже ночь, нас вели по окраинам, совершенно пустыми улицами, чтобы прохожие не видали партии, и чтобы конвою удобнее было следить за нами.

Только в одном месте нельзя было избежать центра, там, где река Омь пересекает город. Узнаю — Атамановская улица, кадетский корпус, дом генерал-губернатора, а вот и мост через Омь. Дальше опять идем глухими переулками. Город словно вымер. Редкий прохожий виден на улице.

Было уже поздно, когда мы добрались до тюрьмы. Нас загнали на темный, длинный коридор. Начался прием партии. Заставляли не только разуться и битый час стоять босыми на холодном каменном полу, но и раздеться до нага. Ощупывали каждую складку, каждый шов — не защиты ли записки и бумажные деньги. Сапоги долго вертели в руках, осматривали тщательно подошвы, каблуки — не заделано ли чего-нибудь и здесь. Немудрый багаж перерыли до нитки. На мокрый, затоптанный грязными ногами пол выбросили белье, хлеб.

Протестовать против такого издевательства было невозможно. На всякую попытку протестовать надзиратели отвечали крепкими тумаками и угрозами:

— Поговори еще! В карцер захотел? У нас живо, брат, успокоим!..

Надзиратели бесцеремонно копались грязными пальцами во рту, в носу, в ушах обыскиваемых. Волосы перебирались чуть не по волосинке. Копались и в других частях тела.

А потом торопили, ругались, что медленно одеваемся, что не успеваем, стоя на ногах, в один миг натянуть брюки, надеть сапоги, собрать разбросанные по коридору вещи.

Не успели собраться, как раздался крик старшего надзирателя.

— Эй, Сидоренко, Петров! Гоните арестантов на второй этаж!

Поднимается суматоха. Наскоро сгребая вещи в мешок. Кто не успел одеться, захватил в руки брюки и сапоги.

Нас, политических, тюремная администрация предусмотрительно разбила на мелкие группы по 3—4 человека и рассадил по разным камерам с уголовными. Я, А. С. Киселев, Прудченко и Качалов попали в одну камеру. Это было очень небольшое, переполненное уже помещение.

Мы страшно устали. Хотелось спать, но место было найти не так просто — все было занято спящими — спали на нарах, под нарами, по всему полу, до самого порога. Кое-как примостились на полу. Было до того тесно, что некуда протянуть ноги. Густая, липкая грязь покрывала пол чуть не на вершок. Особенно скверно было тем, кто спал у порога, где на ночь ставилась параша (ночью заключенных оправляться

из камер не выпускали). Она распространяла по камере невыносимое зловоние, к утру параша настолько переполнялась, что нечистоты текли через край и подтекали под спящих.

На каждом шагу, на каждой мелочи администрация давала нам чувствовать, что мы арестанты и находимся всецело в ее власти. В ответ на протест заключенных администрации есть десятки самых различных средств,— лишение прогулки, темный холодный, вонючий карцер, увесистые кулаки надзирателей, наганы тюремной стражи и, наконец, солдатские винтовки.

Только-что забрезжит скудный свет осеннего утра в затопевших окнах душных камер, как на длинном темном коридоре поднимаются шум и возня. Бегают уборщики, шлепая котами. Надзиратели, звеня связками ключей и ругаясь на чем свет стоит, отдают распоряжения. Беспреданно громыхают тяжелые дверные засовы.

Вот раздался на весь корпус зычный крик.

— Становись! Проверка!

Арестанты в камерах повскакали с мест и выстроились в две шеренги, лицом к дверям.

Мы становимся в общие ряды с уголовными своей камеры. Мы знаем уже омские порядки и составили свой план действия. Прудченко и Качалова поставили во второй ряд, чтобы их, молодых товарищей, оберечь от наскоков администрации, когда будем демонстративно молчать на утреннее „приветствие“. Я и Киселев стали в первом ряду. Широко распахнулась тяжелая дверь.

— Смирно!—резко раздрает прокислый воздух.

Помощник начальника тюрьмы с записной книжкой в руках в сопровождении трех надзирателей влетел в камеру, бросив небрежно на ходу:

— Здорово!

— Здравия желаем, вашбродь!—раздалось громко в ответ. Молчали только мы четверо. Блеснул злой огонек в глазах помощника. Он вплотную подошел ко мне и бросил в упор:

— Почему молчишь?

Я начинаю спокойно говорить, как-будто ничего особенного не замечаю:

— У меня в конторе 50 копеек. Разрешите сделать на них выписку из лавки.

Ничего не ответил, только стиснул зубы, повернулся и стрелой вылетел обратно.

Думали, что в карцер посадят, но почему-то не сделали этого. Я еще несколько дней по утрам при проверке напоми-

нал администрации о своих деньгах. Конечно, ответа я никакого не получил, ничего мне из тюремной лавки не выписали, и полтинник Омская тюрьма зажилила, как петроградская пересыльная мои карманные часы. Зато перестали нас спрашивать — почему не отвечаем на приветствие и вообще избегали с нами разговоров. Проверят камеры и уходят без разговоров.

Уголовные попрежнему „браво“ отвечали на „приветствия“ и дивились, что мы — всего четыре человека — сумели отстоять свое право на молчание.

Скверный режим дополнялся скверным питанием. Хлеб постоянно был сырой и с песком. На обед давали всякую дрянь, чаще всего гнилую вареную картошку, которую едва ли стали бы есть и свиньи. В иные дни давали рыбный обед. Это было замечательное в своем роде блюдо — целый ушат тепловатой подозрительной мутной жидкости, а в ней сиротливо плавают 3 рыбки величиной не больше вершка. Такой обед не обязательно даже бывал из кипяченой воды. Обычно с тюремной кухни обед разносился в первую очередь по срочным заключенным и вообще по камерам основной тюрьмы, на пересыльную же обед подавался в последнюю очередь. Администрация учитывала, что со стороны пересыльных скандала из-за обеда не будет, — сидят они в одной тюрьме день-два, редко больше, поэтому „обед“ для пересыльных иногда состоял почти из одной некипяченой воды. Нужен, например, в камеру пересыльных ушат „похлебки“, а в котле всего осталось пол-ushата. Тогда делают просто — берут черпак и доливают до нормы холодной воды из колодца — пересыльные все с'едают.

В Омске нас кормили еще горохом — почти через день. Собственно говоря, гороху-то не было, а только поверху желтой жидкости в цинковом баке плавали шкурки от распаренного гороха. Их мы прозвали „бушлатами“ (бушлат — короткая арестантская тужурка).

От получасовой ежедневной прогулки на тюремном дворе в Омске пришлось отказаться. Такими она была обставлена строгостями, что мы постоянно рисковали попасть в карцер. Каждый из нас должен был чинно по большому кругу идти цепочкой один за другим. Ускорил или замедлил шаг, выдался немного из линии круга, замахал сильнее, чем полагается, руками, вздумал перекинуться с соседом словом — за все следовала угроза карцером.

Но и в переполненной камере сидеть было невыносимо. Прокисший, спертый воздух от человеческих испарений де-

дался до того влажным, что потоки воды текли по стенам липкий пот лился с нас ручьями. Рубашку хоть выжми. По этому заключенные предпочитали обходиться без нее и щеголяли обнаженные до пояса.

Но всем этим наши испытания еще не ограничились.

Как-то поздней ночью втокнули к нам в камеру новичка. Спотыкаясь о спящих, изрыгая нечленораздельные звуки, он разбудил нас.

Вид у нового обитателя нашей камеры был далеко не привлекательный. Несмотря на холодное время года, он был почти босиком. Истрепанные до последней возможности опорки нельзя было всерьез принять за обувь, фуражки или пальто также не имелось. Рубашка плохо прикрывала синее, дровавшее от холода тело.

Длинные волосы, неизвестно когда мытые, слипались от грязи. Рыжая большая борода сбилась войлоком.

Он отыскивал себе место у самого порога, грубо оттолкнув ногой спящего подростка.

Утром мы ближе познакомились с новичком. Когда мы проснулись, он уже сидел в своем углу и дико вращал глазами. Умываться он не имел привычки и продолжал копить на своем лице новые слои грязи. Кучи паразитов копошились в липких волосах и многочисленных заплатках платья. Он постоянно чесался, то и дело ловил беспокоящих его насекомых и совершал над ними публичную казнь. Все тело его было покрыто коростами.

Такое соседство было неиз особенно приятных. Мы требовали от администрации убрать от нас заключенного, но нам отказали в этом. Пришлось помириться и спать бок о бок с человеком, награждавшим население камеры расползающимися во все стороны маленькими врагами.

Мы пробовали разговориться с ним, но не добились никакого толку. Человек был явно ненормальный.

Он оказался бывшим акцизным чиновником. Когда-то хорошо жил. Были жена, дети. Потом что-то случилось, запямятствовал. Умерла жена, дети бросили отца. Окончательно опустил человек, скитаясь по городским трущобам.

Этот сумасшедший доставил нам много тяжелых часов. У него была очень дикая привычка — как только мы садимся за чай или обед, он принимается за охоту на насекомых. Он пригоршнями клал их в рот и повернувшись к нам, как будто нарочно, аппетитно жевал и причмокивал. Иногда насекомых заменяли ему коросты, которые он снимал со своего тела и тоже с'едал.

Первое время при виде такой картины мы совершенно не могли есть. Новичку же, видимо, это доставляло большое удовольствие.

Мы пробовали его уговорить, ругали, грозили, но ничего не помогало. Он упрямо продолжал отравлять наше существование своими внушающими омерзение поступками.

Особенно бурно реагировали уголовные.

— Брось ты, сволочь такая! Мать-перемать! Убьем!

Он, бывало, только поднимет свои бессмысленные глаза на изрыгающего ругань и продолжает попрежнему спокойно творить свое дело.

В тюрьме ко всему, конечно, привыкнешь. Привыкли и мы к выходкам новичка. Через несколько дней его поведение уже никого не смущало.

Хлебного пайка ему нехватало, и он постоянно воровал хлеб у других заключенных. Оставишь иногда паек не спрятанным, обязательно воспользуется — часть хлеба съест, а другую захватывает грязными руками. Приходилось выбрасывать оставшийся паек — после его никто, несмотря даже на голод, не решался есть хлеб.

Присутствие сумасшедшего в пересыльной ничем не оправдывалось. Объяснить это можно было только тем, что администрация мстила нам самым гнуснейшим образом за упорное нежелание отвечать „здравия желаем“.

Как мы несказанно обрадовались и облегченно вздохнули, когда на утренней проверке объявили:

— Собирайтесь в этап!

Нашего мучителя тут же взяли от нас и отправили в больницу. Наши предположения, что он был посажен к нам с гнусной целью, этим окончательно подтвердились.

Снова замелькали необятные степи. Вот миновали реку Обь. Картина природы стала меняться. Все чаще попадались по пути рожи. Наконец, мы въехали в настоящую сибирскую тайгу, с ее сумрачными елями и пихтами, растущими сплошной стеной.

Дальше на восток тайга постепенно переходит в роскошный холмистый бор. Ближе к Красноярску снова открылась степь, но не ровная, как в Западной Сибири, а сморщенная высокими холмами.

КРАСНОЯРСК — ЕНИСЕЙСК

Пересыльная тюрьма в Красноярске — узловой пункт. Здесь останавливались партии пересыльных, идущих дальше

на восток. Отсюда отправлялись партии по Енисейской губернии — в Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский уезды, за полярный круг, в Туруханский край — огромный пустынный район, раскинувшийся по реке Енисею на полторы тысячи километров.

Красноярская пересыльная имеет свою большую и интересную историю. Она не мало видела политических пересыльных до 1905 года, особенно в 1902 и 1903 годах, когда перед октябрьской бурей пятого года шел под'ем революционного движения. Рабочие, аграрники, студенты, шедшие в Сибирь, обязательно останавливались на короткое время в Красноярской тюрьме.

После революции 1905 года, когда царское правительство, оправившись от удара, начало жестокую расправу с революционными элементами, население Красноярской пересыльной было особенно многочисленным.

Шли почти исключительно политические. В апреле — мае 1906 года тюрьма была настолько переполнена, что под пересыльных отвели больничные бараки.

О соблюдении тюремного режима не могло быть и речи. Администрация не знала как держаться с политическими заключенными — с одной стороны, как будто бы свобода, конституция, а с другой — политическая ссылка. Мы же воспользовались таким положением, в решительных боях с тюремной администрацией отвоевали себе такие свободы, какие только мыслимы были в условиях тюрьмы.

Бараки не закрывались не только днем, но и всю ночь. Мы свободно гуляли по двору пересыльной, иногда до 3 часов утра, проводя время в беседах. Нас отпускали с надзирателем за покупками в город. В бараки можно было приносить топоры, пилы, лопаты, что не было предусмотрено никакими даже самыми либеральными порядками тюрем.

Песни хором, физкультурные упражнения, лекции, рефераты, диспуты — при таких условиях тюрьма почти не чувствовалась.

Побеги из тюрьмы в то время совершались почти открыто, не только ночью через подкопы и каменную ограду, но иногда и днем. Некоторые часовые, охранявшие тюрьму, не обращали на них внимания.

В каменном четырехэтажном корпусе срочной тюрьмы сидело несколько сот рабочих красноярских железнодорожных мастерских и солдат железнодорожного батальона. Были они арестованы в железнодорожных мастерских, когда генерал Рененкампф ликвидировал вооруженное сопротивление рабочих.

Мы с ними имели постоянное общение, переговаривались

с больничного двора через каменный забор с сидящими в третьем и четвертом этажах срочной тюрьмы, устраивали встречи в тюремной амбулатории. Наконец, товарищи просто приходили к нам на свидание иногда с надзирателями, а иногда и без них. Бывало, целые делегации заключенных рабочих и солдат посещали нас. Товарищи в беседах знакомили нас с историей революционного движения в Красноярске в бурные дни 1905 года. Некоторые из них читали у нас в бараках лекции на политические темы.

Насколько тогда была расшатана тюремная дисциплина, доказывает тот факт, что даже товарищи, которым была предъявлена статья обвинения, угрожающая смертной казнью, отпустились из срочной тюрьмы на больничный двор, откуда легко можно было бежать. Правда, они приходили к нам в сопровождении конвоира, но охранявший их солдат мало обращал внимания на арестантов.

В те времена Красноярская пересыльная называлась даже „республикой“. Вместо тюремной администрации, мы сами устанавливали в ней распорядок. Наша сила и влияние в то время были настолько велики, что мы диктовали свои условия даже енисейскому губернатору. Когда нам надоело околачиваться на пересылке, мы послали к нему из тюрьмы делегацию из трех человек, во главе которой был известный тов. Шандер (кличка „Марат“). Делегация предъявила губернатору требование немедленно отправить нас на место ссылки — в Туруханский край. Но лед в низовьях Енисея еще не прошел, и пароходы в Туруханск не ходили. Губернатор под напором делегации вынужден был согласиться разместить нас в Енисейском уезде, указав нам только деревни, близко лежащие к городу, в которых мы должны были поселиться, и предоставив нам полное право сгруппироваться в них по своему усмотрению.

Наша посадка на пароход была внушительной демонстрацией под конвоем солдат, казаков и городских. С революционными песнями и красным знаменем мы вошли на пароход, встреченные приветствиями пассажиров и провожаемые революционными возгласами и аплодисментами огромной толпы на берегу.

С той поры много изменилось. Везде крепла и наглела реакция, ухудшался и режим в тюрьмах. Но Красноярская пересыльная и во время последнего моего пребывания в ней имела более сносные условия для политических.

Я знаю еще одну сибирскую тюрьму — Иркутскую, которая, как и Красноярская пересыльная, дольше всех удерживала

завоевания 1905 года. В ней вплоть до 1910 года сохранился сравнительно свободный режим. Даже в секретных отделениях в одиночные камеры проносили подпольную революционную литературу, имелись музыкальные инструменты, организовывались кружки, совместные чтения нескольких камер, лекции. Было самоуправление с выборными от политических старостами — политическим и экономическим. Иногда в секретную тюрьму попадало и оружие, которое, конечно, тщательно пряталось.

Красноярская пересыльная мне была хорошо знакома. Я попал в нее уже третий раз. Наша партия в 1914 году в Красноярск пришла в ноябре, когда наблюдалось особенное скопление пересыльных. Началась осенняя распутица, и партии в направлении Енисейска и Минусинска, куда имелась только трактовая дорога, не отправлялись (летом партии сюда шли пароходом).

Мы, политические, были помещены в отдельные камеры, заняв весь верхний этаж одного из громадных корпусов.

Первое время нам было довольно свободно. Но каждую неделю прибывали новые партии, и население нашей камеры быстро увеличивалось.

Конечно, прежних свобод в Красноярской пересыльной теперь не было и в помине, но все же по сравнению с другими тюрьмами режим был несравненно легче.

Можно было свободно общаться с другими бараками пересыльной тюрьмы, даже с бараками в других дворах.

Собщение с волей также не представляло больших затруднений. Мы связались с одним врачом в городе с эсдеком. Он пришел в тюрьму. Несмотря на то, что свидания с заключенными разрешались только родственникам, врачу позволили с нами повидаться, при чем, вопреки всяким тюремным правилам, не через двойную решетку, с кем-либо одним из сидящих, а вообще с политическими пересыльными, без всяких помех, без надзирательского наблюдения за свиданием.

В бараке мы могли держать себя совершенно свободно. Когда угодно лежать, спать, громко разговаривать, спорить, даже петь. Обе камеры верхнего этажа не закрывались круглые сутки, закрывался только выход из коридора во двор. Когда бывало надоест сидеть или лежать на нарах, когда нужно с кем-либо по душам поговорить, мы выходим погулять в коридор, где было несколько свободнее, чем в камерной сутолоке.

Среди нас были люди самых различных политических направлений — большевики, меньшевики, различных оттенков

эсеры, анархисты. Жизнь наша становилась шумнее и разнообразнее. Нередко возникали горячие споры между нами и меньшевиками. Предметом суждений преимущественно была война и отношение к ней партий.

Меньшевики, имея в своем составе такие силы, как Иков, Николаевский, вели себя довольно развязно. „Пораженцы, предатели, тупоголовые, ничего несмыслящие в политике“ — постоянно слышалось от них по нашему адресу. С пеной у рта защищали они военно-промышленные комитеты, всяческими хитросплетениями пытались доказать недоказуемое. Пугали, что в случае поражения России Германия поработит русских. Они забыли, что трудящиеся и без того уже поработены самодержавием и русской буржуазией. Они молчали о том, что поражение в войне невыгодно именно буржуазии, стремящейся к захвату чужих земель, мечтающей захватить Дарданеллы и еще кое-что.

Меньшевики никак не могли себе представить возможности революции, неизбежности ее при поражении самодержавия. Они боялись революции, а поэтому всеми силами ненавидели большевиков, борцов революции. Чтобы вернее поразить врага, они со всей энергией трусов из мелкобуржуазной взбесившейся твари, клеветали на нас, обливали нас помоями из меньшевистской политической лоханки.

Они клеветали и ругались, потому что были бессильны.

Единственный имевшийся среди нас анархист, чувствуя свое теоретическое бессилие и одиночество, почти никогда не пускался в споры с нами, а когда паче чаяния и ввязывался в них, то скоро стушевывался, ничего не мог сказать путного, как только подло пригрозить:

— Будет наша сила, всех большевиков передавим! И торжественно замолкал.

От Красноярска нам предстоял длинный пеший путь при жестоких сибирских морозах. Многие из нас были арестованы летом. Мы, шедшие по делу „Правды“, ждали суда и тюремного заключения, но с нами расправились проще — административным порядком выслали в Сибирь. Большинство из нас было одето весьма легко. У многих не имелось шапок, рукавиц, валенок, а у отдельных товарищей даже не было теплого пальто.

До Красноярска идти этапом было еще терпимо. Осень 1914 года в Сибири была поздняя и теплая, ехали в теплых вагонах. Наши переходы до сих пор были небольшие — с вокзала до тюрьмы и обратно.

Двинуться дальше мы могли не раньше как через месяц, когда станут реки и установится санный путь. В это время

в Сибири обыкновенно бывают сильные морозы, особенно во время рекостава и первые недели после него.

Каждый из нас старался запастись чем-нибудь потеплее, приобретая на скудные средства, провезенные тайком от конвоя в складках платья, у уголовных разную заваль. Часть уголовных тоже занималась приобретением для себя зимнего обмундирования.

Пересыльная превратилась в настоящий толчок. Каждый день шла оживленная торговля. Местные заключенные с других дворов, уборщики камер приносили в пересыльную валенки, шапки, рукавицы. Мы постепенно обзавелись необходимым для путешествия. Только тов. Качалов остался в летнем пальто, да я без рукавиц — нехватило денег. И досталось же потом нам от злющих морозов.

Подавляющее большинство из нас должно было идти пешком. Подводы полагались только женщинам, больным и подвещи. При определении состояния здоровья идущего в этап администрация тюрьмы руководствовалась только одним принципом — как можно меньше давать подвод. Поэтому попасть в разряд больных было весьма трудно, почти невозможно. Тюремный врач пропускал мимо ушей заявления арестантов о болезни и, не осматривая, объявлял их здоровыми.

Особенно далекий путь предстоял тем, кто шел в Туруханский край или на Ангару. От Красноярска до Туруханска около полутора тысяч километров. Нам, шедшим на Ангару, нужно было отшагать пешком около тысячи километров: до Енисейска более трехсот пятидесяти километров, затем обратно до села Каргино около ста километров (таков был глупый порядок) и по реке Ангаре километров пятьсот.

10 декабря (по старому стилю) рано утром, когда еще совсем было темно, подняли нас на ноги. Последний раз принесли кипятку. После чаю передали нас в конторе конвою, и мы партией человек в пятьдесят выступили в путь.

На улице было довольно холодно. Стоял густой туман — это значит настоящий сибирский мороз, „с пылью“, как говорят сибиряки. Многие из нас были удивлены, когда узнали, что 52 градуса.

— А ведь прохладно, чорт побери, — ежась говорил Качалов. Он одет был далеко не по сезону. Летнее легкое пальтишко не могло защитить от пронизывающего до костей холода. Чтобы не замерзнуть в пути, он одел на себя поверх пальто одеяло. Так было теплее и весьма оригинально. Шапка и валенки на нем были немудрые. Только зеленые красивые рукавицы спасали от холода руки. Я то и дело припры-

гивал и похлопывал рука об руку. Потрепанное пальто плохо грело. Выданные в тюрьме на дорогу рукавицы из выношенного арестантского сукна могли защитить на сенокосе от комаров, но не от лютых морозов.

— Ничего, Качалов, не унывай, — подбадривал я молодого неопытного товарища. — Лучше других пройдем мы с тобой этап. Жарко будет. Дай оглядеться, потом устроимся.

Когда вышли за город, на холм, уже светало. Туман постепенно рассеялся. Перед нами открылась картина сибирской природы. Внизу лежал губернский город, еще сонный и молчаливый. А там за широким Енисеем поднимается гряда высоких гор, одетых густым сумрачным лесом. Там, немного правее, из мрачной котловины, где гуляют буйные ветры и метут снежную пыль, поднимается угрюмый Токмак. Серая голая вершина обвеянная бурей.

— Как хороша Сибирь!

— Подожди, дальше увидишь еще не то.

Полюбовались и двинулись снова в путь. Вот миновали военный городок, казармы которого были теперь переполнены военнообязанными германскими и австрийскими подданными, мрущими, как мухи, от скученности и недоедания. Вышли на прямую степную дорогу.

— Эй, шагай веселее!

Этапные остановки по Енисейскому тракту были расположены самым нелепым образом. Расстояние между ними не было рассчитано применительно к требованиям, которые можно предъявить пешим партиям. Один переход мог встретиться в сорок, а следующий за ним в пятнадцать километров. Но самыми бессмысленными были первые переходы, например от Красноярска до первой остановки (этапки) было тридцать семь километров, в обратном направлении — от Енисейска до ближайшего этапа — деревни Маклаковой, тридцать пять километров.

Такое расположение этапов было выражением пренебрежительного, издевательского отношения к арестанту, которого считали хуже скотины.

Он, мол, все должен переносить.

Такие большие переходы в начале этапного шествия было очень трудно преодолевать, так как в большинстве случаев люди в этап шли после продолжительного сидения. Плохое питание в тюрьме, отсутствие движений ослабляют человеческий организм, делают его неспособным на первое время к сильному напряжению, к большим переходам. Но по капризу правящих делалось все наоборот.

В первый день нам предстояла труднейшая задача — преодолеть тридцать семь километров. Первую часть пути — километров двадцать с небольшим — мы отшагали бодро, но вскоре наши ребята начали чувствовать усталость. Сперва она была легкой, но потом с каждым километром все больше и больше нарастала. Разговоры прекратились. В партии воцарилась мертвая тишина. Отойдя еще километров семь, мы уже почувствовали полное изнеможение. Ноги одеревенели и еле передвигались. Пристально смотрели мы вперед, ища на горизонте черной точки, признака деревни. То и дело обращались к конвоирам:

— Далеко до этапа?

— Восемь верст.

— Что за чорт, конца краю нет. Ну, и станочек!

Еще угрюмее становились наши лица.

Наконец после долгих и томительных ожиданий вдали на холме зачернела роща.

— Вон этап, — говорит солдат, — еще пять верст до него.

— Пять?! — испуганно вырвалось из чей-то груди, — но ведь я не могу больше идти.

Кто-то предложил немного отдохнуть. Люди буквально повалились на крепко утоптаный снег дороги. Когда стали подниматься, почувствовали еще большую усталость. С трудом переставляли ноги. С неимоверными усилиями отшагали еще километр.

— Товарищи, надо еще отдохнуть, — поступило предложение.

— Нельзя, хуже будет, до деревни не доберемся.

— И так все равно не дойдем, мочи больше нет.

Снова люди повалились на снег, растянулись замертво на дороге, снова поднимались с мучительными болями в ногах. Следующий отдых был еще ближе. Так постепенно сокращались промежутки между остановками, наконец, через каждую сотню саженей люди валились, подолгу лежали и еле вставали, чтобы вскоре снова лечь на снег.

Этап растянулся. Часть товарищей, более сильных, с неимоверными усилиями добралась до деревни, другие еле плелись за ними, а третьи совершенно отказались идти, оставшись лежать на снегу. В километре от села оставшихся нагнали подводы (они задержались в одной деревне при перепряжке) и стали подбирать людей.

Всех, конечно, поместить они не могли. Поэтому отдельные товарищи вынуждены были чуть не ползком добираться до этапа.

Пришел конец мытарству первого перехода. Вот она страстно желанная этапка. Но что за помещение? Маленькое, темное, грязное и холодное. Угрюмы и молчаливы были все даже на отдыхе. Наскоро попили чай и завалились отдыхать. Некоторые до того утомились, что легли не вши. Места для спанья всем нехватило. Заняли грязный, давно немытый пол. Холодный коридор также был занят спящими.

Каждый из нас, ложась спать, с ужасом думал только об одном — а как он пойдет завтра.

Встали утром. Ноги ноют, но идти надо, не откажешься. Однако положение оказалось лучше, чем мы ожидали. Первые два — три километра действительно были страшно трудными, ноги болели и не слушались, но потом размялись, разошлись и мы, не чувствуя усталости, быстро двигались вперед.

Жестокие сибирские морозы донимали нас. Меньше 60 градусов не стояло ни один день. Товарищи плотно укутывались, полотенцами увязывали лица. Но все-таки вскоре среди нас появились обмороженные.

Только небольшая группа не поддавалась морозам. Я с Качаловым заключил тесный союз для борьбы с морозом. Конвой попался хороший, позволял партии растягиваться на пути. Это нас спасало. Как только начнем бывало мерзнуть — поднимаем борьбу, согреемся, устанем, подождем подвод, сядем в дровни, отдохнем и снова барахтаться. Смотришь кто-нибудь из нас летит кувырком в снег.

Почти все идущие в партии обморозились — кто обморозил нос, щеки, кто руки. Как я с Качаловым не берегся, но и нас подкараулил злой сибирский мороз, хотя отделались мы по сравнению с другими очень легко.

Наша партия настолько обошлась, что переходы в тридцать или сорок километров делались потом легко. Отмахает, бывало, товарищ такое расстояние и никакой усталости не чувствует, иной на этапке еще в пляску пустится.

Длинные зимние вечера старались на стоянках разнообразить. Песни, рассказы, анекдоты, споры и научные беседы переплетались между собой. Предстоящее утро никого уже не страшило.

Целых четырнадцать дней шагали мы до Енисейска. Все время стояли свирепые морозы — до 65 градусов (Цельсия). Один день даже дошло до 66 градусов. Пешим партиям обычно полагался отдых через два дня на третий. Мы от дневок отказались, так как в грязных, тесных и холодных этапах, вместо отдыха, только больше устаешь. Но раз нам пришлось на сутки задержаться. Конвойный начальник дал в Енисейск те-

леграмму об остановке из-за морозов партии. Переждал день — мороз не ослабевал, и нам пришлось двинуться дальше.

Подгоняемые жестокой стужей, мы шагали так быстро, что конвоиры едва поспевали за нами. Но и в этих архитяжелых условиях, когда уже кажется не могло быть хуже, выдавались дни, исключительные по своей тяжести. Мороз и ветер объединялись против нас, как бы пытались окончательно сломить наши силы. Единственное спасение было — идти как можно быстрее, развить предельную скорость. В этом мы достигли изумительных результатов. Один переход в шестнадцать километров мы сделали в 1 час 40 минут, т. е. шли по девять с лишком километров в час. Такая скорость, конечно, была возможна только на короткий переход и при сравнительно удобной дороге.

Второй раз это случилось, когда мы в большом селе Казачинском вышли к реке Енисею; с реки тянул легкий ветерок. При сильном морозе это было прямо убийственно. Струя холодного воздуха обжигает лицо, пронизывает до костей тело. Даже ехавшие на подводах слабые вынуждены были идти пешком.

Обмороженные уши, носы и руки не представляли еще большой беды. Опаснее всего было заболеть дорогой. Это как раз и случилось с Лаврентьевым. Остановок пять не дошли мы до Енисейска. На одной этапке вечером он окончательно свалился. Единственным выходом было отправить его спешно на особой подводе с конвоем в Енисейск. День и ночь гнали подводу с больным. Лаврентьев выздоровел в Енисейской больнице и снова влился в нашу партию.

Совершенно измученные продолжительным и тяжелым путем добрались мы, наконец, до Енисейска, маленького уездного городка на левом берегу Енисея.

Всякая пересыльная имела свои особенности, достоинства и недостатки. Что касается режима в Енисейской пересыльной тюрьме, то его совершенно здесь не было. Большая камера была до половины перегорожена стеной, за которой можно было делать что угодно, хоть стенки домай, так как надзиратель не мог следить через волчок в двери за тем, что делается на второй половине камеры, да и надзирателя в коридоре никогда не было.

Это было для нас плюсом. Но мы с удовольствием отказались бы от этого преимущества. Енисейские тюремщики, видимо, решили доконать нас окончательно. В камере стоял отчаянный холод. Температура обычно не поднималась выше нуля, а часто была и ниже. Стены были покрыты толстым слоем

снега. В чайниках замерзала вода. На громадную камеру была всего одна кирпичная печь, плохо протапливаемая. Маленькая чугушка в углу камеры хотя и топилась круглые сутки, не могла нагреть большое помещение.

Днем и ночью мы были в теплой одежде, в шапках и рукавицах. Однако и это не помогало. Единственное прибежище — чугушка не могла всех обогреть. Грелись около нее по очереди. Стоишь — один бок жжет, а другой мерзнет. Большинство из нас прибегало к испытанному способу согревания — к борьбе. Шум и гам от этого постоянно стояли в камере.

В женской половине было еще хуже. Там температура была минус 4°. Просидеть при таких условиях целых 10 дней было настоящей пыткой.

Женщины однажды обратились к администрации с просьбой прибавить хоть немного дров на печку, потому что мизерная казенная норма при исключительных морозах была недостаточна. Начальник тюрьмы спокойно выслушал просьбу и самым серьезным образом ответил:

— Что вы жалуетесь? У вас довольно тепло, сидеть можно. В других камерах у нас холоднее.

К холоду в Енисейской тюрьме прибавился еще форменный голод. Если до сих пор мы имели некоторую возможность что-нибудь прикупить на сохраненные от обысков собственные средства, то теперь мы этого уже делать не могли: у нас не осталось больше ни копейки. Пришлось сидеть исключительно на тюремной мутеляге, что подавали нам вместо обеда, на сыром черном хлебе, которого к тому же давали далеко недостаточно. У нас не было ни чаю, ни сахару.

Как ни тяжело было сидеть в этом „леднике“, мы все же не теряли дорогого времени и развернули здесь настоящую учебу, которая несколько скрашивала наше положение и помогала нам хоть на короткое время забыть о кошмарных условиях. По вечерам один из товарищей читал нам лекции по революционному движению. Сядет, бывало, лектор около самой чугушки в шубе и шапке, греет руки у огня, а мы тесным кольцом окружим его, внимательно слушая мерную речь и время от времени поворачиваясь то тем, то другим боком к печке. После доклада — вопросы, прения, беседы. Таким образом успели пройти часть курса.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

П о с л е д н и е с о т н и к и л о м е т р о в . — С с ы л к а .

ПРИАНГАРСКИЙ КРАЙ

В Енисейске наша партия разбилась на две части — одни пошли вниз по Енисею, в Анциферовскую волость, другие в Приангарский край, расположенный в низовьях реки Ангара (Верхняя Тунгузка), одного из мощных притоков Енисея. В начале января (второго или третьего) мы двинулись в путь.

Ангара берет свое начало из озера Байкала и впадает в Енисей в восьмидесяти километрах выше города Енисейска. Верхняя, большая часть Ангара, административно относилась к территории бывшей Иркутской губернии, а нижняя половина, протяжением километров на семьсот — Енисейской губернии.

Население в низовьях Ангара редкое. На расстоянии семисот километров было всего две волости — Кежемская и Пинчугинская под управлением одного пристава.

Почти все деревни в этих двух волостях расположены на берегах Ангара. К югу от Ангара по речкам Тасеевой, Муре и другим еще имеются редкие деревушки; что же касается северной части, то это громадная сплошная пустыня, совершенно незаселенная, покрытая вековыми лесами, богатыми зверьем. Только три деревни расположены на север от Ангара — Юрехта и Яркина по порожиному притоку Чадобец и деревня Бедоба.

Среднее расстояние между деревнями на двадцать пять — двадцать семь километров, но часто бывает сорок и пятьдесят километров, а деревня Яр находится от деревни Карабулы в восьмидесяти пяти километрах. Села в семьдесят или восемьдесят дворов уже крупнейшие населенные пункты. Нередко можно встретить деревни в десять — пятнадцать домов.

Население занимается хлебопашеством, охотой и рыбной ловлей. Оно было почти поголовно безграмотно, так как школа на Ангаре была редким явлением.

Пути сообщения в Приангарском крае самые примитивные. Колесной дороги нет. Зимой дорога прокладывается по льду реки, а летом сообщение на лодках. В деревни же, расположен-

ные в стороне от Ангара, в летнюю пору можно попасть только верхом на лошади по тропинкам через дремучую тайгу и болота.

Путешествие летом представляет большое удовольствие, если не считать варварских способов передвижения и надоедливых комаров и мошек. Ангара—одна из красивейших рек. Пороги, шиверы, каменистые россыпи, покрытые соснами хребты, отвесные причудливые скалы в виде неприступных стен, различных форм башни, уходящие подножьем в зеркальную глубину воды—все это на каждом шагу приковывает глаз и составляет неопишемое наслаждение любителю природы.

Многочисленные притоки Ангара не менее красивы. Взять хотя бы речку Муру с ее воротами-скалами при впадении в Ангару или буйствующий среди скал Чадобец.

Ширина Ангара местами достигает нескольких километров. Борозда очень глубока, так как Ангара проложила себе путь между горных хребтов.

Несмотря на то, что Ангара одна из больших сибирских рек, она в общем не судоходна. Только большие лодки „илимки“ (вместимостью от 5 до 10 тонн) ходят по ней с грузом в Енисейск и обратно. До проведения сибирской железной дороги по Ангаре сплавлялся китайский чай на паузках от Иркутска до Енисейска.

Ангара имеет несколько очень больших порогов, препятствующих судоходству. Только в одной Пинчугинской волости два порога—Мурский и Стрелкинский. Особенно велики пороги на территории бывшей Иркутской губернии: Пьяный, Падун, Долгий, Шаманский и другие. Уже одно их название показывает их величину и силу.

Водная система Ангара—это могучий источник энергии. О его размерах можно судить по следующему. Создаваемый большевиками Ангарстрой, который не исчерпывает еще всех возможностей как самой Ангара, так и ее притоков, будет в двадцать восемь раз мощнее Днепростроя, он даст электроэнергию в четыре раза больше, чем вырабатывали ее Франция и Италия вместе в 1928 году.

В крае есть не мало и других природных богатств—уголь, железная руда, редкие металлы и проч. ископаемые, неисчислимы запасы первосортной древесины—благородный кедр, высококачественная сосна, твердокаменная лиственница. При электрификации края высокое развитие получит сельское хозяйство.

Это край с большим будущим. Постройка железной дороги до Енисейска, развивающаяся торговля с заграницей через

устье Енисея, а главным образом Ангарстрой дадут огромный толчок к использованию богатств Приангарья.

При царизме это был вовсе пустынный неосвоенный край с полунатуральным хозяйством, без дорог, без культуры, край политической ссылки. Большевики претворят его в цветущую область с высокоразвитой индустрией.

Первые три дня нашего пути на Ангару не представляли ничего нового. Существовал дикий порядок следования партии пересыльных. По этому порядку мы должны были из Красноярской губернской пересыльной тюрьмы обязательно проследовать до уездного города Енисейска, несмотря на то, что село Каргино, от которого идет дорога на Ангару, на сто километров ближе Енисейска. Таким образом мы снова шли по пути, пройденному всего десять дней назад, сделав лишних около двухсот километров.

Отсюда мы идем уже с сельским конвоем, вернее без всякого конвоя — нас сопровождают только ямщики, хозяева подвод. Избавились мы и от этапок, располагаясь на отдых и ночлег в крестьянских избах.

Большие переходы, которые часты на Ангаре, были не под силу моему спутнику Качалову, молодому, еще не окрепшему товарищу, к тому же утомленному пройденным путем. Поэтому он больше устраивался на подводах. Я подыскал себе другого спутника Станкевича, хорошего, крепкого ходока. Бывало утром напьемся чаю и двинемся в путь. Идем с расчетом, сперва не торопясь, километра четыре-пять в час, но постепенно прибавляем шаг. Пока в деревне запрягают лошадей, мы уже далеко уйдем вперед. Расстояние в сорок километров отмахаем в пять часов.

Подводы тащатся медленно, не больше пяти километров в час. Другие товарищи, идущие пешком, двигаются тоже немного быстрее. Мы со Станкевичем всегда приходили в деревню задолго до прибытия партии. Найдем для товарищей квартиры, закажем самовар.

Тесно и душно было в крестьянских хатах, но все же лучше этапки.

В те дни, когда поднималась метель или приходилось отправляться из деревни вечером, все садились на подводы.

Приезжали в деревню продрогшие, совершенно разбитые. Казалось дальше двинуться мы уже не в состоянии. Обступим докрасна раскаленную железную печку и греемся до тех пор, пока не прокалим продрогшее тело. Потом попьем чай и снова, собрав всю свою энергию, все свои силы, со скрежетом зубовым, двигаемся в подневольный путь. Тут уже не до

красот природы. Воеет ветер, кружа тучи снега, вливающегося иглами в лицо. Вырываются из тесных горных ущелий на простор реки злобные вихри и бешено несутся вдаль, обдавая тебя струей ледяного воздуха. Скорей бы деревня, крестьянская хата с неизменной железной печкой. Скорей бы добраться до места приписки, тогда конец дорожным мытарствам.

Товарищи, за исключением меня, впервые шли на Ангару. Они были поражены чудными картинами природы. Уже подходя к деревне Новосельцевой, в двадцати пяти километрах от реки Енисея, можно было наблюдать природу Приангарского края. Глубокие, узкие долины, высокие, мрачные, мохнатые от густого леса хребты.

Мне все эти виды давно были знакомы — третий раз я проходил этот путь. Но и теперь я испытывал огромное удовольствие среди этой суровой, но прекрасной и оригинальной природы. Мои же спутники буквально были восхищены открывшимися перед нами картинами, подолгу любовались, забывая, что они не на прогулке, а идут на ссылку, где придется им прожить долгие годы, почти оторванным от культурного мира.

Настоящие красоты Приангарья начинаются от села Рыбно-го, стоящего на высоком берегу. В верхнем конце села серая дикая скала. Летом в бурю пенистые разъяренные волны с шумом бьют в ее подножие, рассыпаясь мелкой пылью над горами больших камней, разваленных у каменной стены. На запад открывается широкий простор Ангары, клокочущей белыми гребнями волн.

А вот и село Каменка, тоже на отвесной скале. За селом поднимается голая каменная гряда. Дальше, за речкой Каменкой, на несколько километров тянется неприступная стена, напоминающая крепостную, с причудливыми башнями, выточенными временем.

А разве плох вид в деревне Манзе? Как-раз напротив, за рекой, тесно громоздится ряд хребтов. Особенно чуден и величествен вид их в полутемную ночь, когда в сумраке темные хребты принимают самые причудливые формы. Или каменная россыпь около села Богучаны? Дожди, ветры, морозы постепенно разрушают скалы. Большие и малые обломки их скатываются вниз, громоздятся друг на друга. В течение веков они образовали у подножия горы большую гряду камней — россыпь.

Мурский порог, с силой прорывающийся среди хребтов далеко оглашает окрестность гулом скачущих по камням валов. Река здесь настолько стремительна, что самые жестокие морозы сковывают ее только ко второй половине зимы.

Но прекраснее всего устье р. Муры. Еще за несколько километров до устья начинается обрыв. Многочисленные ручьи падают с него веером серебристых брызг. В зимнее время здесь намерзает постепенно толстый слой льда.

Так как вода в источниках окрашена растворенными в ней различными горными породами, то весь ледяной покров отличается многообразными цветами — тут и оранжевый, и синий, и зеленый, и желтый. Зимним вечером этот пестрый ледяной покров в расцветке лучей заходящего солнца дает ни с чем несравнимую незабываемую картину.

Двадцатого января 1915 года я прибыл в село Чадобец, — место моего назначения.

Из партии я остался в этой деревне один. Другие товарищи или выбыли раньше, будучи прикреплены к более близким от Енисейска деревням, или прошли дальше, в Кежемскую волость. Так мы рассеивались на огромном пространстве, теряли иногда личные связи, но состояли в одном коллективе — в ангарской организации политических.

Товарищей по пересыльной партии заменяли нам товарищи по колонии.

Остановился я в коммуне. В тот же вечер при помощи ссыльного Гинсбурга, портного по профессии, нашел себе квартиру и на другой день перебрался на нее.

Четырехмесячное путешествие сильно утомило. Пока шел до места, как-то не чувствовалось утомление. Только теперь, когда не нужно было больше ни ехать, ни идти, я почувствовал такую усталость от пройденного пути, что дальше, кажется, не в состоянии был бы двинуться.

СОСТАВ ССЫЛЬНЫХ

Ссылка за политические преступления в Приангарский край практиковалась с давних времен. Но каждый период русской истории накладывал на нее свой особый отпечаток.

До 1905 года политические ссыльные были на Ангаре в небольшом количестве, насчитывались десятками. Сюда посылались более серьезные „преступники“, как в глухой отрезанный от железнодорожных, удобных водных и трактовых путей сообщения край. Расселялись они в деревнях по два—три человека.

В те времена, конечно, легче было добыть продукты в силу малочисленности ссыльных. Зато общественная обстановка была значительно тяжелее. Разбросанные чуть не единицами по деревням, как правило, на большие расстояния друг от

друга, ссыльные были обречены на тоскливое одиночество, отрезаны от мира.

С ростом революционного движения росла не только количественно ссылка, но и изменялся ее социальный состав, а следовательно, общественное и политическое содержание жизни ссылки, взаимоотношения между ссыльными и местным населением, влияние политической ссылки на него.

После революции 1905 года на Ангаре не осталось ни одного политического. Однако вскоре, с наступлением реакции, Ангара снова стала заселяться ссыльными. По мере того как крепла реакция, партии ссыльных шли чаще и становились многочисленнее. Особенно много шло политических в 1907 и в 1908 годах, в самые черные дни русской истории, когда самодержавие заполнило все тюрьмы борцами за свободу, тысячами посылало их на виселицы.

В эти годы все деревни Приангарского края были переполнены политическими. В некоторых селах ссыльных было больше, чем крестьян-домохозяев. Жилищный вопрос встал очень остро. Многим приходилось жить в банях. Так например, в волостном селе Богучанах на восемьдесят дворов одно время было сто ссыльных. Даже и в 1910 году, когда количество ссыльных пошло на убыль, в двух волостях Приангарья (Кежемской и Пинчугинской) насчитывалось около тысячи человек, из них половина административных и человек пятьсот ссыльно-поселенцев (сосланных по суду). Особенно тяжелым было положение последних. Они были стеснены положительно во всем, отданы на полный произвол администрации. Каждая статья закона, касающаяся их, нагло говорила о их бесправии. С ними мог расправиться чисто административным путем исправник, даже пристав. Он зависел от самого паршивого стражника, у которого было право немедленно вернуть к месту приписки каждого вышедшего за околицу деревни ссыльно-поселенца да еще состряпать дело о побеге.

За малейшую провинность по самоличному распоряжению исправника или пристава, без всякого даже призрачного суда и следствия, поселенца могли посадить в тюрьму на год, на полтора, наказать плетью.

Произвол здесь не имел границ. Следующий факт лучше всего говорит о нем.

В 1910 году в Красноярской пересыльной тюрьме сидел со мной некто Матусевич, политический поселенец. Он получил по личному распоряжению енисейского исправника полтора года тюрьмы, которые уже отбыл, и теперь переселялся обратно на место ссылки. За что же с ним так беспощадно

расправился исправник? За то, что ссыльный осмелился приехать в город Енисейск, так как на месте приписки ему не было больше никакой возможности жить. Самодур исправник решил примерно расправиться с Матусевичем, не вынесшим всей тяжести житья в заброшенной в глухую тайгу деревне. Дикой расправой с Матусевичем деспот исправник, выслуживаясь перед вышестоящим начальством, хотел в то же время терроризовать ссылку.

Первое время после наступления реакции в ссылку шли почти исключительно административные, так как те, кто находился под судом, сидели еще в тюрьмах и ждали приговора. В ссылку они пошли с 1907 года.

С 1910 года политические стали отливать с Ангары. Административных в большинстве случаев высылали на три года. Они кончили срок ссылки, а новых партий почти не шло, ибо все, на кого падало хоть малейшее подозрение охранки в неблагонадежности, были выявлены и отправлены в ссылку или посажены крепко в тюрьму. В 1910 году на Ангару шли уже только одиночки, главным образом „обратники“, т. е. бежавшие когда-то из ссылки.

Социальный состав ссылки менялся. В больших партиях 1906 года шли в большинстве рабочие. Охранка спешила выловить более активных и опасных революционеров и послать их туда, куда „Макар телят не гонял“.

Из этих партий в ссылке остались единицы, остальные разбежались по всем концам страны продолжать в подполье революционную работу.

В следующий период идет некоторое увеличение в ссылке интеллигенции и затем, когда количественный состав ссылки пошел на убыль, когда в ссылке все меньше и меньше оставалось административных и начали преобладать поселенцы, снова получился значительный перевес рабочего ядра, которое росло с каждым днем. Характерен и тот факт, что среди „высочайшников“ (люди, подавшие прошение царю о помиловании) были почти исключительно интеллигенты.

Политическая физиономия ссылки была весьма пестра. Здесь были люди всевозможных политических направлений. Большевики, меньшевики, разных толков социалисты-революционеры, анархисты-коммунисты и анархисты-индивидуалисты.

Моральный облик ссылки также претерпевал изменения. Ссыльные до 1905 года были люди крепко спаянные, стойкие, выдержанные, закаленные в борьбе. Все они пользовались большим авторитетом среди местного населения, оставив в нем самую хорошую память о себе.

Массовая же ссылка, при ее большой разнородности в социальном и политическом отношении не могла обладать уже прежними моральными чертами. Скученность и значительное ухудшение материального положения, вследствие перенаселения деревень и вызванной этим дороговизны продуктов, в свою очередь влияли на состояние ссылки. Дразги и склоки, порой весьма серьезные, появились среди ссыльных. В отдельных случаях дело доходило до рукопашной. В этих склоках участвовали больше всего интеллигенты, нередко являясь инициаторами этих склок или давая повод к ним своим невыдержанным поведением.

Своеобразное „орабочивание“ состава политической ссылки естественно сопровождалось усилением большевистского ядра, оздоровлением политической и бытовой обстановки ссыльных, лучшей ее организацией вплоть до общепангарского объединения под названием корпорации. Изживались мелочные личные разногласия, всякие расхождения в среде ссыльных поднимались на принципиальную высоту. С крестьянами установились более организованные отношения. Ссылка выступала перед ними, как единая, решительно и четко отгораживаясь перед населением от всяких сомнительных элементов, организовав общественное мнение и давление на тех, кто позволял недопустимые с точки зрения политической ссылки поступки. Была взята четкая твердая линия всего коллектива ссыльных по отношению к приставам и стражникам.

Благодаря всему этому, авторитет ссыльных, как коллектива, высоко поднялся в глазах местного населения.

Крестьянин получал от ссылки не только политическое просвещение, культурную и бытовую помощь (политические беседы, обучение детей грамоте, лечение и т. п.), но и хозяйственные выгоды. Политические занимались слесарным, кузнечным, столярным, плотничьим ремеслом, делали кирпич, деревянную и глиняную посуду. Деревне нужны были также портные и швеи, рабочие руки на поле, в хозяйстве. Ссыльные в качестве рабочих работали на строящихся колесных дорогах, которые для края имели важное хозяйственное и культурное значение.

В силу этого политическая ссылка пользовалась огромным уважением со стороны крестьян, и лучшая часть их активно помогала ссыльным, предупреждая о предстоящих обысках, пряча у себя перед обысками книги и документы ссыльных,

После 1905 года в ссылке появились „чужаки“, т. е. элементы, не имеющие никакого отношения к политическим партиям и революционной борьбе.

Их появление совпало с годами особенно сильной реакции, когда охранные отделения хватали всякого, кто казался почему-либо подозрительным или сделал хулиганскую выходку против полиции.

Стремление охранников выслужиться, показать преданность царю и отечеству, получить награды за „труды“ и „услуги“ толкало их к усиленным поискам революционеров, а если таковых не оказывалось, то просто хватали кого попало, предъявляли обвинение в политической деятельности и высылали в Сибирь.

Создавались даже дутые политические дела. На их организацию, например, были тароваты иркутские охранники. Из-за этого в Иркутске продержалось целых пять лет военное положение. Как только подходил к концу годичный его срок, охранники заполняли тюрьму заключенными. В рубрику политических попадали уголовные, растратчики, хулиганы. Были и „громкие“, большие дела, по которым сидело по 20 и более человек по полтора и два года. Часто такие дела оканчивались ничем. Но охранникам они были временно нужны для продления военного положения, с которым связаны были для них материальные выгоды и более легкое продвижение по службе.

Попадали в ссылку случайные элементы и по оговору, из-за личных счетов. Однажды на Ангарах попала группа кустарей в качестве политических. Ребята они были честные, хорошие, но никакого участия в политической борьбе не принимали. Дело было просто. Другая артель кустарей конкурировала с ними. Избавиться от конкурента в то паскудное время было легко, достаточно только было шепнуть охраннику на ухо, что такой-то неблагонадежен, и он попадал в тюрьму, а затем в ссылку. Никаких улик тогда не требовалось.

Так и были сжиты кустари своими конкурентами. Они только потом, на Ангаре, узнали истинную причину своей высылки.

Или другой пример. Пришел как-то к нам в деревню разухабистый паренек, — тоже „политический“. Его политическая деятельность в прошлом выразилась в том, что он в бурные октябрьские дни, не участвуя в революционном движении, а просто из хулиганства срубил в общей суматохе телеграфный столб да крикнул: „долой самодержавие“. Об этом потом, когда пошли аресты, донесли, и он оказался „крамольником“. В ссылке он пьянствовал и бузил, горделиво величая себя „политическим“.

Как уже говорилось, политические ссыльные пользовались у крестьян большим авторитетом. Этим авторитетом иногда пытались воспользоваться уголовные элементы, сосланные за воровство или другие подобные преступления. Некоторые из них выдавали себя за политических. Однако такой номер никому не проходил. Мы быстро разоблачали самозванца. Тщательно отмежевываясь от чуждых элементов, мы немедленно сообщали местному населению, что такой-то к группе политических не принадлежит и мы за его поступки не отвечаем.

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Первые наши заботы по прибытии в ссылку были чисто хозяйственного характера — достать квартиру, обеспечить себя продовольствием. С последним было особенно тяжело. При полунатуральном хозяйстве ангарский крестьянин иногда не особенно нуждался в деньгах. Часто невозможно было достать пуда муки, несмотря на то, что мука в деревне достаточно — у зажиточных мужиков и кулаков лежит по несколько сот пудов хлеба в амбарах.

Придешь бывало к такому мужику, битый час убеждаешь его продать хоть немного муки, и все же уходишь с пустыми руками. Сперва он уверяет, что нет хлеба, а потом признается:

— Не пойду я за пудом в амбар. Одна только раструска. Подожду вот годика два, когда хлеб до двух рублей дойдет (он был 1 руб. 20 коп.), сразу и продам пудов 500. А сейчас мне деньги не нужны.

Таков был наглый кулацкий ответ. Не нуждаясь в деньгах, кулак выжидал „хороших“ цен. И он рассчитывал наверняка — наступит тяжелый год — тогда сплавит за бешеные деньги весь накопленный годами хлеб на Катанку (река Средняя Тунгузка) тунгузам. Середняк также не особенно охотно продавал хлеб, выжидая „лучшие“ времена. Бедняк же при всем своем желании не мог нам чем-либо основательно помочь.

Необходимо было иметь особую сноровку, чтобы купить муки. Нужен был „деликатный подход“. Ангарец дипломатию любит. Мы этой дипломатии научились. Придешь в хату к мужику, поздороваешься, сядешь... О хлебе сперва ни слова... Начнешь разговоры об охоте, рыбной ловле, о других хозяйственных делах, и только после того, как расположишь к себе собеседника, осторожно, издали поведешь разговор о цели своего прихода. В таких случаях хлеб почти всегда удавалось купить.

— Да как тебе, паря (парень — А. Б.), сказать? — начнет сдаваться мужик, лишку-то у нас нет, но пудик тебе найдется, — мужик-то ты больно хороший.

Так же со всеми остальными продуктами.

Иногда за мукой, картошкой или мясом приходилось ездить в соседние деревни верст за сорок, туда, где меньше ссыльных.

Наше положение осложнялось еще тем, что в ссылку мы приходили без копейки денег. Те 99 коп., которые можно было легально иметь при себе во время этапа, и небольшие, схороненные от зорких глаз конвоя деньги, уходили на питание в дороге. Поэтому первые месяцы было очень трудно жить. Ранее пришедшие товарищи многим помочь не могли, так как сами жили впроголодь.

Политическая ссылка состояла из двух категорий людей: ссыльно-поселенцев и административно высланных.

Ссыльно-поселенцы — это присужденные судом к ссылке, или отбывающие ссылку после каторги. Эта ссылка была бессрочной („вечная“). Только через десять лет поселенец мог получить права „крестьянина из ссыльных“ с ограничением права передвижения (лишь в пределах Сибири) и через пятнадцать лет полные права крестьянина уже без ограничения передвижения.

Административные ссылались без суда, по распоряжению министра внутренних дел, а по существу охранного отделения. Эта ссылка была срочная, от двух до пяти лет, но иногда и более.

Материальное положение административного было лучше, чем поселенца. Административный получал от казны пособие на Ангаре до 1916 года восемь рублей, а с этого времени пятнадцать рублей.

Это, конечно, была голодная норма. Денег хватало только на квартиру и хлеб. Но и это мизерное пособие получалось не сразу. Первое пособие приходилось не раньше, как через полгода после прихода в ссылку.

Хуже было положение поселенцев, которые никакого пособия не получали. Они могли жить исключительно за счет заработка. А заработать на Ангаре копейку было очень трудно. Спрос предъявляется почти исключительно на тяжелый физический сельскохозяйственный труд, главным образом летом. Условия работы самые тяжелые.

Ангарские крестьяне, не стесненные в земле (предел — физическая возможность расчистки земли от вековых лесов), имели приличные хозяйства. Это, конечно, не значит, что не

было расслоения в ангарской деревне. Были кулаки, зажиточные, середняки и бедняки, была, как и везде, и классовая борьба, которая вокруг земельных вопросов принимала очень острые формы.

В сравнительно короткое ангарское лето нужно провернуть массу работы. Поэтому летом работа особенно напряженная. Непривычному человеку она не под силу. К тяжелой работе еще прибавляются такие осложняющие условия, как комар и мошка, которые являются здесь бичом для работающих на полях. Даже ссыльные из крестьян не всегда выдерживали каторжные условия, и вынуждены были искать другой работы.

Тяжело доставался насущный хлеб ссыльным. Отсутствие средств к существованию заставляло иногда идти на рискованные дела. Некоторые ссыльные особенно глухих деревень вынуждены были заниматься охотой на белку. Плохо одетые и обутые бродили они неделями по тайге в поисках зверя. Иногда такая охота кончалась трагически.

Я и сейчас не могу забыть жуткий рассказ товарища Жуковского, у которого после неудачной охоты были ампутированы пальцы ног. Охотились они трое. Заблудились в лесу. В поисках выхода попали на болото. Нет ни одного сухого деревца. Попытка развести огонь не удалась. Замерзающие ноги отказались служить. Товарищи убили собак, вскрыли им животы и в теплых внутренностях обогревали некоторое время окоченевшие ноги. Но и этот источник тепла вскоре иссяк. Пришлось брести дальше. Наконец, двое свалилось. Третий, собрав остаток сил, решил сделать последнюю попытку к спасению. Вскоре он добрал до дороги, но дальше идти не мог и на четвереньках добрался до деревни. Таким образом были спасены и оставшиеся товарищи, но всех троих пришлось отправить в Енисейск для операции.

С наступлением реакции, тюрьмы, освободившиеся от политических заключенных в период революции 1905 года, снова быстро заполнились. Каждый день сюда приходили тысячи новых людей. Скученность в тюрьмах была невероятная. В одиночных камерах сидело по 4—5 человек. В некоторых городах даже при этих условиях не хватало тюремных помещений и полицейских участков.

Продолжительное сидение в переполненных камерах, этапные мытарства, затем тяжелые условия жизни в ссылке — все это приводило к тому, что среди ссыльных развивались различного рода болезни — главным образом туберкулез и расстройство нервной системы. Данные богучанской больницы о заболеваемости местного населения и ссыльных показывают

резкое разделение по роду заболеваемости между разными группами населения Ангары. Если местный житель страдал болезнями, характеризующими тяжелый физический труд с примитивными орудиями производства, без культуры и навыки темного быта, то ссыльный болел в результате перенесенных голода, холода и тяжелой общественной обстановки.

Туберкулез беспощадно косил ссыльных. Многие уже больными приходили в ссылку и здесь через несколько месяцев умирали. Сколько их, безвременно погибших в глухих деревнях Ангары! Бывало за одну весну похоронишь несколько человек.

А сколько вышло из ссылки людей с окончательно разбитой нервной системой, людей инвалидов. Полное психическое расстройство также не было редким явлением. Например, за период второй моей ссылки на Ангаре я лично знал пять человек, мозг которых не вынес тюрьмы и ссылки. Особенно тяжелое впечатление производил ссыльный Фофанов, брат поэта Фофанова. Его помещательство было, видимо, вызвано тяжелыми моральными условиями, создавшимися в той деревне, где он жил на поселении. Его будто бы неотвязно преследовали предатели, с которыми он грозил расправиться, набрасываясь иногда на товарищей, ухаживавших за ним.

Исключительно тяжел был период ссылки с 1908 по 1913 год, когда было наибольшее переполнение Ангары политическими. Но и последующие годы не мало унесли в могилу ссыльных.

Вскоре после моего прихода в ссылку, в 1915 году, мне пришлось участвовать на похоронах ссыльно-поселенца Семена. Чадобские ссыльные мало знали Семена. Было только известно — принадлежал он к партии социалистов-революционеров; на поселение он попал из армии за оскорбление действием офицера, издевавшегося над солдатами. Продолжительное сидение в тюрьме, этап — подорвали его здоровье. На Ангару он пришел незадолго до нас уже в безнадежном состоянии. Больной угасал с каждым днем. В феврале его не стало.

На похороны собрались, кроме чабодской колонии, ссыльные близлежащих деревень: Сыромолотовой, Залидеевой и Климиной. Под звуки похоронного марша отнесли мы умершего товарища на кладбище. На свежую могилу положили венок, перевитый красными лентами. Некоторые чадобские крестьяне, несмотря на лютый мороз, пришли на кладбище, заинтересовавшись гражданскими похоронами.

Много таких одиноких, забытых могил разбросано по глухим деревням Приангарья!

ОРГАНИЗАЦИЯ ССЫЛЬНЫХ

Тяжелое материальное положение заставило ссыльных создать особую организацию, помимо существовавших в каждой деревне колоний. Свое начало эта организация получила в 1912 году. Инициатором организации ссыльных был поселенец Гр. Беленький. Она объединяла сперва только ссыльно-поселенцев; административные по уставу организации не принимались в нее. Но это все же было большое достижение. Поселенцы обеих волостей включились в одну организацию с выборным органом. Значение ссыльных как целого значительно выросло, ссылка много выгадала в сношениях с полицией. Организация получила название „Корпорация ссыльно-переселенцев Приангарского края“.

Первое правление корпорации находилось в селе Чадобце, так как около него тогда было значительное скопление ссыльных в четырех расположенных на небольшом расстоянии деревнях.

Корпорация объединяла поселенцев обеих волостей — Пинчугской и Кежемской. Имела письменный устав. Ее средства составлялись из сумм, которые поступали с воли в помощь ссыльным. Деньги получались не только от друзей, живущих в России, но и из-за границы — Парижа, Лондона, Нью-Йорка, главным же образом из Швейцарии (Женева, Лозанна).

Средства корпорации делились на два неравных фонда. Один фонд, больший, предназначался для текущей помощи ссыльным, другой — „экстренный“ имел целью снабжать средствами на дорогу бегущих из ссылки.

В 1915 году, когда я вторично пришел на Ангару, корпорация ссыльных была уже реорганизована, получив название „кассы взаимопомощи“, сохранив в то же время и прежнее наименование.

Теперь организация охватывала и административных. Были введены членские взносы в размере 10 копеек ежемесячно с прожиточного минимума, который сперва определялся в восемь рублей. Для имеющих доход выше минимума были введены прогрессивно-подходные взносы. С дохода (заработок, помощь и проч.) в десять рублей платилось две копейки с рубля, с пятнадцати рублей взималось пять процентов, тоvariщ с доходом в тридцать рублей уплачивал в кассу уже шесть рублей. Высший процент был 50.

Обложение было довольно чувствительное, но не было случаев, чтобы кто-либо из членов корпорации уклонился от взносов.

Реорганизация имела следствием большой приток средств, и касса получила возможность лучше помогать поселенцам. Если раньше поселенец получал от корпорации помощь случайно, то теперь каждому поселенцу, не имеющему работы и помощи с воли, ежемесячно выдавалось пособие в размере казенного пособия административным (сперва восемь руб., с 1916 года — пятнадцать рублей). Кроме того, выдавались и возвратные ссуды на текущие нужды. Этого вида ссуды могли получать и административные. Семейные поселенцы получали добавочное пособие на семью.

В виду значительности пространства, на котором были разбросаны ссыльные, организация была разбита на районы. Во главе всей организации стояло правление, избираемое съездом ссыльных. В районах были районные правления из трех лиц, которые избирались на районных съездах.

Район был автономной единицей, поэтому, помимо общего устава всей организации, имелись районные уставы. В первом пункте устава Чадобского района так и говорилось: „Чадобская районная организация является автономной частью КВПСП“ (кассы взаимопомощи политических ссыльных Приангарья).

За последние годы ссылки „экстренный“ фонд был ликвидирован по политическим соображениям. В случае раскрытия жандармами организации с „экстренным“ фондом, мы подверглись бы большему наказанию, чем за простую экономическую организацию. Вокруг „экстренного“ фонда в ссылке поднялись большие споры. Эсеры настаивали на сохранении фонда. В Чадобском районе в самой комиссии, созданной для выработки проекта нового устава, получились разногласия. Вопрос был передан на решение районного съезда, который и постановил ликвидировать „экстренный“ фонд.

Но ликвидация этого фонда вовсе не означала прекращение помощи бегущим, да и этого не имелось в виду. Просто нужно было формально, в документе обойти этот вопрос. Шестой пункт устава организации вполне устраивал бегущих. В нем говорилось: „По соглашению колонии с Б. Р. (бюро района) ссуды могут быть выдаваемы в увеличенном размере, за несколько месяцев“. Подобные ссуды и имели в виду главным образом помощь на побег. Раньше названием „экстренный“ фонд как раз и были замаскированы такие ссуды на побег.

Кроме правления, в каждом районе избиралась еще контрольная комиссия, функции которой определялись первым пунктом десятого раздела устава (Чадобский район): „Районный

с'езд выбирает контрольную комиссию из трех человек, на обязанности которой лежит разбор всякого рода инцидентов, так или иначе касающихся организации". Иначе говоря, этим комиссиям поручалось разбирать дела, возникающие между политическими, а также разбор порочащих поступков ссыльных.

За свою последнюю ссылку я не замечал особой деятельности контрольной комиссии в Чадобском районе. Объяснялось это вспыхнувшей обостренной борьбой между большевиками и эсерами. Большая напряженность политической атмосферы, вовлечение в кипучую политическую жизнь всех сил ссылки естественно привели к сокращению дел, подлежащих разбору в контрольной комиссий. Это с одной стороны, а с другой — острые политические вопросы заслоняли собой другие, менее важные. Возникавшие же в процессе нашей борьбы с эсерами отдельные конфликты и факты могли быть ликвидированы не контрольной комиссией, а только разрешением основного вопроса.

ПОЛИТПРОСВЕТРАБОТА

Наряду с оперативной партийной работой большое место у нас в подполье занимало политобразование. Каждый товарищ, примкнув к партийной организации, прежде всего обучался в политкружке, затем занимался самообразованием. Правда, условия подпольной партийной работы не всегда позволяли уделять этому достаточное внимание. Зато тюрьма и ссылка были настоящими нашими университетами. Многие товарищи, попав в ссылку почти безграмотными, выходили из нее с солидным багажом политических знаний.

Ссылка всегда очень заботилась о литературе. Библиотека (конечно, нелегальная, хотя часто и из легальных книг) была непременным учреждением. В ссылке довоенного периода библиотеки организовывались самостоятельно в каждой деревне (колонии).

Некоторые из библиотек политколонии насчитывали сотни томов лучшей литературы.

Книжное имущество колонией составлялось различными путями: пожертвования книг товарищами, отбывшими ссылку, поступление литературы с воли, иногда даже из-за границы, покупки книг. Был даже создан особый библиотечный денежный фонд из взносов членов колонии. До войны этот взнос в колониях Ангары был в размере 20 коп. в месяц. Таким путем постепенно, годами создавались библиотеки.

Каковы были библиотечные средства, можно видеть хотя бы из одного кассового отчета библиотеки Богучанской колонии на 1 января 1913 года. За 8 месяцев (с 1 мая по 31 декабря 1912 года) приход библиотеки выразился в сумме 22 руб. 30 коп. и расход 21 руб. 20 коп. Конечно, средства мизерные, но в этот период в ссылке осталось уже немного людей.

С реорганизацией корпорации ссыльных были реорганизованы и библиотеки. Они перешли к корпорации. Вместо мелких по колониям были организованы крупные районные книгохранилища. Средства библиотек составлялись из специальных взносов (10 коп. в месяц с человека, включая и нечленов корпорации) и из 10-процентного отчисления с подоходного налога, поступающего в корпорацию. Приход библиотек значительно увеличился. Так, по Чадобскому району, только за март 1916 года в библиотеку было сдано 6 руб. 23 коп.

Газетами и журналами мы всегда были вполне обеспечены. Редакции, рассчитывая нажить политический капитал, обычно за редким исключением, шли нам навстречу и высылали на колонии бесплатно свои издания. Только во время войны они стали брать с нас за пересылку.

Конечно, библиотека, даже районная, не могла удовлетворить больших и разнообразных требований ссыльных на литературу. Поэтому многие товарищи приобретали еще книги лично, выкраивая на них средства из своего скудного бюджета. Эта литература также использовывалась всеми желающими: не только между членами колонии, но и между деревнями шел оживленный обмен литературой. Иногда книга пересылалась товарищам за сотни верст, обходила десятки деревень и только через несколько месяцев возвращалась владельцу.

Создавались особые вольные объединения, которые ставили своей целью приобретать в складчину необходимую литературу. Так, в 1911—1912 годах такое объединение было в селе Богучанах. Я, Дудоровский и Кривошеин сговорились сообща пользоваться книгами. Все мы трое жили исключительно на казенное восьмидесятирублевое пособие, из которого, помимо различных взносов в организации, отчисляли каждый месяц по рублю на новые книги.

Книги приобретал каждый для себя, но по общей программе. Дудоровский выписывал литературу по общественным вопросам, я по физике и естественным наукам, Кривошеин преимущественно по литературе.

Были такие объединения и в других деревнях.

Многие товарищи, помимо общественных вопросов, изучали и другие отрасли знания — математику, химию, геоло-

тию, астрономию и т. д., делая и в этих областях большие успехи.

Все эти знания приобретались в ссылке преимущественно индивидуальным путем, но это вовсе не значит, что отсутствовала коллективная проработка вопросов. У нас были своеобразные клубы: зимой почти каждый вечер бывали собрания, которые никем не назначались, а состоялись сами собой. Постоянным местом для таких собраний часто служила какая-нибудь одна квартира политического. Длинный зимний вечер скучно коротать одному. Нужно рассеяться. Знаешь, что у такого-то товарища всегда найдешь других ссыльных. В сумерках и тянемся, бывало, со всех концов деревни к обычному месту сборища. Иногда соберется десять или пятнадцать человек различных политических направлений, вкусов и запросов. Беседы переходят в горячие споры, жаркие схватки, обсуждаются текущие политические события, последний номер нелегальной полученной из-за границы газеты.

Поднимались философские вопросы. Электронная теория, эмпириокритицизм, прагматизм и другие ходовые в то время „измы“ входили в круг наших суждений. Материализм и идеализм — вот две плоскости, в разрезе которых шли споры. Не было, конечно, большой последовательности в этих спорах. Смотришь — кто-нибудь с текущих событий перейдет на философию, а потом незаметно доберется до физики и химии. Неизбежная цепь. Иногда наши диспуты оканчивались под утро. Как хороши были эти ночи бурных споров! Они поднимали и закаляли дух, заостряли пытливую мысль, будили новую жажду знаний.

Политические ссыльные были единственной культурной силой в деревнях Приангарья. Но царское правительство этой силе ставило рогатки. Политический ссыльный мог заниматься только физическим трудом. Административные даже и в этом были ограничены. При зарботке у них удерживали пособие.

Требование же со стороны крестьян на культурное обслуживание было большое. Во всех случаях, где нужен был грамотный человек, крестьяне обращались к ссыльным. Мы, конечно, обходили правительственные запреты и, чем могли, помогали крестьянству.

Политический в деревне был учителем, доктором, ходатаем по судебным делам, счетоводом в кредитном товариществе, в потребкооперации.

Это давало кое-какой заработок. Крестьяне платили за услуги натурой, что для нас было особенно важно. Никакой

нормы за оплату услуг не существовало. Все зависело от достатка крестьянина и сложности дела. Женщины рассчитывались молоком, сметаной, картошкой, мужики — мукой, рыбой и мясом.

Судебных дел на Ангаре всегда было много — у мужиков земельные споры, у женщин — личные оскорбления. Последние дела были мелкого характера. Обычно за них крестьянки платили кринку молока, ведро картошки. Ведение земельных дел оплачивалось пудом муки или пудом мяса (лосиною).

На Ангаре почти не было общинного землевладения. Вся земля считалась казенной, но была в пользовании крестьян. В любом месте можно было расчистить себе участок. Владели крестьяне расчищенной землей как собственной. Она переходила по наследству, ее можно было дарить, но нельзя продавать, как государственную. Никаких переделов не существовало, за исключением покосов на островах, которые были во владении общины.

При свободных землях, казалось бы, не могло быть земельных споров, на самом же деле наблюдалось обратное.

Это объясняется тем, что каждый новый клочок земли добывается большим трудом, — его нужно очистить от вековых лесов, поэтому всегда находились охотники захватить готовую культурную землю. Споры иногда тянулись десятками лет, переходя из одной административной инстанции в другую: волость, крестьянский начальник, съезд крестьянских начальников, губернское по крестьянским делам присутствие.

Иногда дело доходило до схваток на спорных участках. Бывали случаи, когда захватчик пахал землю с ружьем за плечами, опасаясь нападения обиженного. Порой споры кончались и кровавой расправой.

Бедняк при земельных спорах всегда оказывался в невыгодном положении. Богатые многосемейные хозяйства силой захватывали спорные участки, предоставляли вести судебную волокиту бедняку. Но в судебных инстанциях бедняк был защищен — в волости у богача всегда есть своя рука, с крестьянским начальником он в дружбе. Попробуй при таком положении выиграть дело. Тут-то и приходили на помощь ссыльные, которые в большинстве случаев добивались разрешения спора в пользу бедняка.

Вполне понятно поэтому, что беднота видела в лице ссыльных свою опору. Да и все население нуждалось в помощи политических. Среди нас было не мало „доморощенных лекарей“, которые оказывали населению медицинскую помощь. Дело обстояло просто. Доморощенный лекарь имел для

руководства лечебник и небольшую простую аптечку для обслуживания больных.

Во время войны на Ангаре начала развиваться кооперация. Потребовались счетоводы. Кроме ссыльного, некому было прийти на помощь. Счетовод в ангарских условиях, при неграмотных членах правления, был фактическим руководителем кооперативной организации. Его слово было решающим для правления.

Ссылные очень много сделали для кооперативного движения на Ангаре. Они не только руководили кооперативами, но вели кооперативную пропаганду по деревням, нередко были организаторами потребобществ.

Педагогическая деятельность также была одной из важных работ. Нам приходилось учить не только детей, но и взрослых крестьян.

Насколько велика была культурная роль ссыльного, можно судить еще и по тому, что мы помогали крестьянам советами даже в вопросах сельского хозяйства и быта.

Помимо всего этого мы вели, конечно, большую политическую работу среди населения, что впоследствии дало свои хорошие результаты.

ПОБЕГИ

Побеги из ссылки были не редким явлением.

В 1906 году они приняли массовый характер. Ссылные десятками бежали на пароходах, лодках, лошадях. Местное население весьма активно помогало. В Енисейске даже был организован из сочувствующих нелегальный комитет помощи бегущим. Он снабжал нас средствами на дорогу и давал связи.

Заселенные ссылными деревни через месяц—два пустели, снова заселялись и снова через некоторое время в них никого не оставалось. Полиция и жандармерия сбились с ног, но не в силах были остановить потока бегущих. Иногда побеги совершались чуть не открыто. Так, в августе 1906 года мы компанией в семь человек, почти на глазах у полиции сели в Енисейске на пароход и уехали в Красноярск.

Бывали случаи, когда из-под конвоя разбегались целые партии. Первая партия политических ссыльных, направленная в Туруханский край в июле 1906 года, дошла только до деревни Усть-Кемь (в шестнадцать километрах от Енисейска). Во время ночевки, когда стражники заснули, все пятьдесят пять человек ушли. Только утром хватились стражники, но было уже поздно. Погоня оказалась бесполезной.

Красноярск был местом скопления бежавших. Сюда бежали с низовья Енисея, с Ангары, из Минусинского и Канского уездов. Партийной организацией Красноярска были выделены особые люди, которые ведали приемом бежавших, распределяли их по квартирам и направляли дальше. Город был переполнен беглыми, но благодаря хорошей организации дела не было ни одного случая ареста.

Конечно, из таких мест, как Туруханский край бежать было не легко, — путь далек, — около тысячи пятисот километров до железной дороги, пароходы из Енисейска в Туруханск ходили два раза в лето, колесной дороги нет. Можно пробраться только тайгой или по реке на лодке. Последний путь был рискован, так как в деревне Вороговой (четыреста пятьдесят километров ниже Енисейска) был поставлен кордон из стражников со специальным назначением ловить беглецов. Но все эти препятствия преодолевались, правда, с большим трудом. Самым верным, но самым тяжелым путем была тайга. Большие сотни километров по непроходимым местам, где не бывала еще нога человека, пробирались из Туруханска группы ссыльных в Енисейск и отсюда уже направлялись трактовой дорогой на Красноярск или Ачинск.

Если в последующие годы правительство приняло более решительные меры против побегов, наводнив деревни стражниками, то и мы не дремали, улучшив организацию побегов.

Вот, например, случай, который показывает, как хорошо иногда были организованы побеги.

На Ангаре, в селе Богучанах жил один административно-ссыльный. Однажды в летний вечер пришел к нему на квартиру стражник и заявил, что пристав просит его к себе в канцелярию. Ссыльный почуял, что дело недоброе. Во время революции он был участником восстания. За это дело грозила 272 статья (смертная казнь). При аресте его роль в восстании не была раскрыта. Охранка потом спохватилась и дала на Ангару распоряжение арестовать такого-то и доставить под строгим конвоем туда-то.

Надо бежать. Но как это сделать? На кухне жена в это время пекла блины. Не теряя хладнокровия, ссыльный пригласил стражника немного закусить. Стражник не мог отказаться от блинов. Возьмет ссыльный из кухни пару блинов и с'едят со стражником. Ссыльный опять на кухню за блинами. Так проделал несколько раз.

Потом исчез. Сидит стражник, ждет новой порции, но что-то долго не идет ссыльный. Встал, взглянул на кухню, а там никого, кроме жены ссыльного, нет. Окно открыто.

— Где ваш муж?

— Он там, с вами...

— Да нет его...

Поднялась суматоха. Стражники и крестьяне были мобилизованы на обыски. Обшарили все крестьянские дома, дворы, амбары, гумна. По всем путям в другие деревни были посланы люди для поимки бежавшего. Не нашли. Словно в воду канул.

Политические ссыльные тоже немедленно мобилизовались. Бежавший был помещен в подвале мертвецкой, расположенной за селом около кладбища. Здесь он отсиживался целую неделю. Продукты доставлялись ему тайком по ночам.

Когда все успокоилось, его отправили в Канск. Переправа была организована образцово. Бежавший шел от деревни до деревни тайгой. Недалеко от села в условном месте в лесу, он останавливался, сюда приходили товарищи, переводили его ночью в безопасную квартиру, а утром отправляли дальше, предупредив политических следующей деревни об организации встречи.

Таким образом бежавший добрался до уездного города Канска, где его также встретили ссыльные. Через несколько времени он уже из-за границы послал товарищам в Богучаны письмо с извещением о благополучном конце своего путешествия.

Вскоре после моего прибытия на место ссылки в нашей деревне состоялся побег. Бежали два латыша ссыльно-поселенца, оба большевики. Стражник „дядя Ваня“ (как все его звали в деревне), приставленный к нам для надзора, был один из тех немногих стражников, которые предпочитали жить со ссыльными в мирных отношениях.

Мотивы таких отношений со стороны некоторых стражников были просты — так покойней для них самих. Все равно политического, если он захочет бежать или куда отлучиться, никакая стража не удержит. По договоренности же можно было иметь обоюдные выгоды. Обычно такие стражники отпускали нас в продолжительные отлучки, на работу, охоту, рыбную ловлю. В случае же, если неожиданно приезжал в деревню пристав или исправник, стражник посылал за отлучившимся ссыльным мальчика и все было в порядке — все ссыльные налицо.

Если ссыльный был далеко, то стражник подавал начальнику рапорт (составленный заранее на всякий случай по уговору между стражником и ссыльным) о незаконной отлучке политического.

Стражник обязан был два раза в день ходить с проверкой на квартиры ссыльных. Но „дядя Ваня“ никогда этого не делал. Лишь изредка забежит к кому-нибудь поболтать об охоте или рыбалке.

При таком положении побег мог быть не обнаружен несколько дней, и всякая погоня стражи становилась бесполезной. Нужно было только обеспечить быстрое и непрерывное движение вперед. Так и получилось. Стражник проморгал. Лерум с товарищем скрылись. Никто из чадобских крестьян не знал об их выезде, лошадь была нанята в соседней деревне Климиной, отсюда товарищи доехали до деревни Пашиной в тридцати двух верстах от Чадобца. В Пашиной был заранее договорен ямщик, смелый мужик, не боявшийся возить заведомо беглых.

Он доставил товарищей уже в деревню, лежащую на реке Муре, к своему знакомому, тоже занимающемуся перевозом беглых. От этой деревни шел путь прямо на юг от Ангары к линии железной дороги. Дальнейший беспрепятственный проезд товарищам был вполне гарантирован, никакая погоня теперь не настигнет. Один ямщик передавал беглых другому, вплоть до станции. Такой способ бегства назывался „ехать на блатных“.

Через несколько дней „дядя Ваня“ сообразил, что не хватает двух политических. Пришел в коммуны, из которой бежали товарищи, и спрашивает:

— А почему я давно не вижу двух ваших товарищей?

— Ну, куда деваются, „дядя Ваня“!

— Нет, вы мне скажите, бежали они?

— Да, бежали, пиши приставу рапорт.

„Дядя Ваня“ завыл:

— Что я теперь буду делать? Который уже побег у меня! Уволят! Фронт!

Нам самим невыгодно было подводить такого стражника. Надо было выручить „Ваню“. Договорились с ним, как это сделать.

Мы симулировали новый побег. На следующий день стражник утром и вечером для вида ходил к нам с поверкой. Вечером, уже после поверки, административный Гусев уехал в деревню Сыромолотову. На следующее утро стражник „обнаружил“ бежавшего и поднял по этому поводу шум на всю деревню, требуя подводу для погони. Ссыльные были сданы на попечение старосты.

Гусев, конечно, бежать и не думал. Отъехав семь километров, он в деревне Сыромолотовой спокойно ждал погони.

„Дядя Ваня“ тоже не спешил. „Нагнав“ беглого, он его „арестовал“. Попили вместе чаю, переночевали и лишь на другой день вернулись в Чадобец. Стражник стал принимать политических от старосты. Обнаружился „новый побег“. Нехватает двух человек. Староста перетрусил и стал уверять, что еще вчера вечером он видел в деревне Лерума с товарищем (они уж больше недели были в бегах). Составили акт о том, что у старосты бежали двое. „Дядя Ваня“ был спасен. Старосте же за побег поднадзорных ничего не могло быть, да и подвести его было за что — больно пакостный был.

Чтобы разыграть комедию до конца, „дядя Ваня“ потребовал погоню за Лерумом. Конечно, эта погоня оказалась безрезультатной. Стражник с’ездил только до первой деревни и спокойно вернулся обратно. Приставу он рапортовал о побеге в его отсутствие двух ссыльных и о поимке Гусева.

Вся эта история сошла гладко. И мы и стражник были довольны.

Гусева потом, спустя год, мировой судья присудил за побег... на одни сутки высидки в каталажке.

Такова была „точность“ работы царской машины „правосудия.“

РАСКОЛЬНИКИ ССЫЛКИ

К началу 1913 года ссылка почти опустела. Когда я в марте, окончивши срок, покинул Ангару, в ней осталось всего несколько десятков человек. Общественная жизнь в колониях замерла. Невыразимо однообразной и тоскливой стала она. С грустью провожали оставшиеся товарищи уезжающих. Особенно тяжело было весной, в распутицу. В это время Приангарский край терял связь с внешним миром на целых два месяца. Прекращалась работа почты. Прерывалось сообщение даже с соседними деревнями.

Однако запустение в ссылке было непродолжительным. Империалистическая война вызвала усиление политических репрессий, и ссылка начала опять пополняться. Не проходило ни одной недели без партии политических. Снова закипела жизнь в колониях.

В годы войны на Ангаре появились новые категории высланных — военнообязанные и заподозренные в шпионстве. Они жили особой жизнью.

Политическая ссылка этого периода была уже не та, что раньше. Партийный состав ее попрежнему был разнообразен. Но среди меньшевиков и эсеров не было крупных политиче-

ских фигур. Политическая беспринципность, мелкобуржуазная сущность эсеровской и меньшевистской части ссыльных особенно выпирала наружу во всей своей наготе. Твердо установившаяся этика политической ссылки ими нарушалась на каждом шагу. Особенно отличались эсеры. Не было, кажется, в последний период ссылки ни одной скандальной истории, которая обошлась бы без их инициативы.

Группа эсеров состояла исключительно из интеллигентов. Они мнили себя солью земли и хотели командовать всей организацией ссыльных. Эсеры пытались захватить в свои руки правление корпорации, библиотеку. Стремясь к гегемонии, они искали себе союзников среди анархистов, не брезгуя поддержкой даже таких, политический облик которых был весьма подозрителен. Большевики в этой борьбе держали себя, как и подобает соглашателям. Одни из них отходили в сторону от борьбы, махали рукой на общественное дело, не прочь были даже выйти из корпорации, проявляя определенное стремление к спокойной, замкнутой жизни. Другие же вели дипломатическую игру, пытались различными нелепыми комбинациями и компромиссными предложениями сгладить остроту борьбы. Вообще особой энергии в борьбе против разлагающего влияния эсеров на ссылку они не проявляли.

Мы, группа большевиков, держались сплоченно, выступали всегда организованно, имели четкую политическую линию и не шли ни на какие принципиальные уступки.

Хотя эсеровская группа была и значительна, но нам, благодаря нашей выдержанности и решительности в борьбе, удалось сломить ее сопротивление и не допустить ссылку до развала.

Когда эсеры увидели, что им не удастся захватить правления корпорации в свои руки, некоторые из них начали выходить из организации, отказываясь таким образом поддерживать общими силами находящихся в тяжелом материальном положении ссыльных.

Особенно проявили себя эсеры в одной истории. В ссылку на Ангару прибыл некто Каминский, именовавший себя анархистом. Наши товарищи опознали в нем уголовного и предателя, о чем немедленно была оповещена колония того села, в котором жил Каминский.

Каминского взяла под свое покровительство анархистка под кличкой „Бабушка“. К этому времени борьба между большевиками и эсерами приняла уже острые формы. Эсеры воспользовались случаем с Каминским, примкнули к анархистам, повели против нас ожесточенную кампанию, выставив

политического проходимца, предателя Каминского жертвой большевиков.

История с Каминским была быстро разнесена эсерами по всему Приангарскому краю. Вся ссылка втянулась в борьбу, резко разделившись на два враждебных лагеря. По деревням ходили эсеровские и анархистские воззвания. В каждой колонии обсуждалось дело Каминского.

Каминский, этот проходимец, для эсеров превратился в знамя, лозунг, с которым они шли в борьбу против большевиков.

По соглашению сторон была создана специальная комиссия. Она собрала большой материал в виде писем и свидетельских показаний. Большевики с документами в руках разоблачили Каминского, но эсеры упорно продолжали защищать этого уголовного типа.

Эсерам, несмотря на отчаянную борьбу, не удалось захватить корпорацию в свои руки. В составе районных бюро они были или в меньшинстве, или совершенно отсутствовали.

Потерпев поражение на основных участках, они повели борьбу по другой линии. Разгорелась борьба за обладание библиотекой. Наши противники стремились захватить книги и денежные библиотечные фонды.

Я в то время был членом бюро Чадобской районной организации и нес обязанности кассира. Библиотекарем был эсер Никифоров. Видя замыслы эсеров, я умышленно затягивал сдачу библиотечных денег библиотекарю. Никифоров категорически требовал их сдачи и пригрозил лишить нас права пользоваться библиотекой. Я все же деньги сдать отказался.

После происшедшего между мной и Никифоровым инцидента эсеры повели по району агитацию за отделение библиотеки от корпорации. Они этим думали осуществить свое тайное намерение — захватить библиотеку в свои руки. История с деньгами для них была только предлогом. Мы же сознательно шли на борьбу, так как выдача Никифорову денег означала, что библиотечные суммы были бы эсерами расхищены. С библиотекой это было сделать труднее. В крайнем случае мы могли вернуть ее силой.

Часть меньшевиков, не осмыслив значения борьбы или пугаясь трудностей ее, соглашалась на отделение библиотеки от корпорации. Но большинство ссыльных района высказывалось за сохранение библиотеки при корпорации. Тогда эсеры стали готовить захват библиотеки, а чтобы лучше обеспечить его, начали рассылать книги в другие районы своим единомышленникам. Это грозило гибелью библиотеки.

Тут и меньшевики поняли, что библиотеку больше нельзя оставлять в руках эсеров, и примкнули к нам для борьбы с захватчиками.

У нас было два пути вырвать библиотеку от эсеров—мирный, то-есть заменить библиотекаря-эсера большевиком, и насильственный—просто прийти и отобрать библиотеку, и потом уже вопрос о ней поставить на решение с'езда, где будет, безусловно, наше большинство.

Мы могли легко захватить библиотеку, так как сила была на нашей стороне. Но такой способ решения вопроса грозил политическими осложнениями. Дело могло дойти до вооруженной схватки, что повлекло бы за собой вмешательство стражников, аресты и форменный разгром ссылки. Этого нельзя было допустить. Потому мы выбрали путь дипломатии, не отказываясь, однако, в случае неудачи, от применения силы.

В селе Чадобец было созвано общее собрание членов районной организации. На собрании присутствовали полностью ссыльные деревень: Сыромолотово, Чадобец, Залидеево, Климина. Не были только политические из Кады (тридцать верст), Проспихиной (сорок верст) и Яркиной (восемьдесят верст). Но так как этих в деревнях жило по одному и по два человека, то собрание было объявлено как собрание районной организации.

Оба лагеря договорились на компромиссном решении: была создана библиотечная коллегия (ранее библиотекой управлял один выбранный библиотекарь). В коллегия вошли—большевик, меньшевик и эсер; договорились, что председателем коллегии и библиотекарем будет меньшевик Рубин.

Правда, эсеры согласились с его кандидатурой только после долгих споров. Они пошли на это лишь потому, что рассчитывали на меньшевистскую мягкотелость Рубина.

Действительно, Рубин и не думал спасать библиотеку. Он оставил ее в руках Никифорова. Мы не могли этого допустить. И только после решительного нажима большевиков библиотека была отнята от Никифорова, а потом мы ее изъели и от Рубина.

Так эсеры и здесь потерпели решительное поражение. Вскоре они были разбиты и на последнем участке борьбы.

Осенью 1916 года крестьянами деревень: Чадобец, Залидеево и Климино была организована потребкооперация. Правление пригласило меня счетоводом. Но эсеры повели против меня кампанию, так как дело шло о нашем влиянии через кооперативную организацию на крестьянство.

Эсеры создали невозможные условия для моей работы. Мне пришлось уйти из кооператива с тем, чтобы дать крестья-

янам возможность убедиться, каковы работники эсеры. Наш расчет оправдался.

Заступивший меня эсер Рябчинский не справился с делом, запустил отчетность, не мог оказать никакой помощи безграмотным членам правления. Правление, убедившись, что при таком счетоводе кооперация провалится, постановило — немедленно уволить Рябчинского и командировало своего члена, крестьянина деревни Залидеевой Окентия (Инокентия), просить меня снова занять должность счетовода. Я знал, что без руководства ссыльных кооперация провалится, так как в ангарских условиях счетовод по существу руководил всей работой кооперации, поэтому я согласился на просьбы правления. Почти целый месяц мне пришлось работать день и ночь, чтобы привести в порядок запутанную Рябчинским бухгалтерию.

Когда я отыскал казначею последнюю копейку, затерявшуюся в счетах, правленцы заявили:

— Ну, право, мы не думали, что такое сурьезное дело. Оказывается и копейки нельзя пропустить.

И эта наша победа была не случайной. Она вовсе не зависела, как это может показаться на первый взгляд, от удачно или не удачно попавших на работу в кооперацию личностей. Я, как и Рябчинский, до работы в Чадобском кооперативе совершенно не знал счетоводства. Я работал и учился. Для приобретения хотя бы минимальных теоретических знаний я достал на время у товарищей из деревни Простихиной учебник по счетоводству.

Секрет успеха заключался в том, что я и Рябчинский были представителями различных партий. Эсеры считали для себя унижительной практическую работу среди населения. Они предпочитали заниматься демагогией. Из всех эсеров двух деревень — Чадобца и Залидеевой — только один студент Гусев немного помогал крестьянам медицинскими советами, остальные же, презирая в душе крестьян, занимались болтологией. В практическую работу кооперации эсеры ввязались только потому, что это было уже в разгар партийной борьбы в ссылке, когда каждому факту придавалось более острое значение, когда борьба с противником перекидывалась буквально на каждый участок, а тут оказалось, что большевики вслед за кредитным товариществом возглавили и потребительскую кооперацию. Эсеры думали легко, без всяких трудов, нужной для них практической работы, на красивой фразеологии нажить большой политический капитал, пытались спекулировать, но сорвалось.

Последняя карта эсеров была бита. Они окончательно потеряли авторитет в глазах крестьян.

Разбитые в открытом бою, эсеры в союзе с анархистами повели работу по созданию законспирированной от нас особой организации внутри корпорации. Особенно активная деятельность в этом направлении была развита в деревне Залидеевой. Такие типы, как эсер Горшков, анархисты Максимов и Вахромеев не останавливались ни перед какими средствами. Они представляли часть Чадобской колонии, но вопреки уставу корпорации устраивали в Залидеевой самостоятельные тайные от нас собрания, где обсуждались способы борьбы с нами.

Меньшевики и тут остались верными своей природе. Возмущаясь для вида такими действиями эсеров и анархистов, они все же шли на их собрания, давая обещания раскольникам ссылки хранить в тайне обсуждаемые вопросы и решения этих совещаний.

Но разложить ссылки и этим путем эсерам не удалось.

В декабре 1916 года должен был состояться очередной годовой съезд всей ангарской организации. Перед такими съездами обычно созывались районные съезды, на которых прорабатывались вопросы районного характера, выбирались делегаты на ангарский съезд и давались им от района наказы.

На Чадобском районном съезде эсеры сделали последнюю попытку провести свою линию. В ход были пущены все приемы, вплоть до угрозы, что если предложения эсеров не будут приняты, то они покинут съезд. Главным образом эсеры напирала на отделение библиотеки от корпорации. Всплыл также по их инициативе и вопрос об экстренном фонде.

Помню один инцидент, происшедший уже в конце съезда. Эсеры придрались к какой-то в пылу брошенной фразе, найдя ее оскорбительной для себя. По этому поводу выступил с громадными речами ряд эсеровских ораторов. Они требовали удовлетворения, немедленного разбора дела на съезде, потом стали настаивать перенести его хотя бы в контрольную комиссию. Насколько была жестока атака, можно судить уже по тому, что по такому пустяковому вопросу прения шли чуть не сутки, с начала утреннего заседания почти до трех часов утра следующего дня. Районный съезд не поддержал эсеров.

Этим был нанесен последний сокрушительный удар в районе по раскольникам ссылки, по политическим авантюристам.

Все решения съездом были вынесены большевистские.

На общеангарский съезд были выбраны два делегата, оба большевики. Выбранными оказались я и тов. Лерум — ссыльный — обрательник. Кандидатуры эсеров были забаллотированы.

С'езд был назначен на 25 декабря (по старому стилю) в маленькой деревушке Гольявиной. Время и место с'езда выбирались с расчетом лучшей конспирации. Сбор в рождество, в одну деревню ссыльных со всех концов Ангары ничего особенного не представлял в глазах местного населения, стражника же в Гольявиной не было.

Ни одного эсера на с'езде не присутствовало. Это был первый с'езд ссылки без эсеров, которые еще совсем недавно претендовали на руководящую роль в корпорации. С'езд работал три дня. Доклады с мест говорили о той борьбе, какую пришлось нам выдержать за последний год с социалистами-революционерами, преодолевая в то же время сопротивление, правда, часто не открытое, меньшевиков.

Это был первый с'езд, который вынес все свои постановления единогласно. На нем было деловое обсуждение вопросов, здоровая пролетарская самокритика, без демагогических мелочных выступлений.

Растеряв все свои позиции, потеряв всякое влияние в ссылке, эсеры и анархисты начали утекать с Ангары. Часть из них бежала из ссылки, часть выхлопотала у губернатора перевод в другие уезды Енисейской губернии.

С'езд прошел благополучно, но кто-то все-таки донес. Правда, енисейскому исправнику стало известно о нем уже после того как делегаты разъехались по местам.

В конце февраля 1917 года исправник приехал на Ангару с целью выяснить это дело и принять соответствующие меры.

Серьезного судебного процесса из этого дела, по всей вероятности, не вышло бы, так как наша организация формально не носила политического характера. По уставу она была лишь кассой взаимопомощи. Возможно, что все ограничилось бы административными мерами. Но нам все-таки пришлось бы долго просидеть в тюрьме до окончания следствия. Кроме того, административные, будучи уже ссыльными, могли получить новую ссылку, но уже в Якутскую область и не на три, а на пять лет. С поселенцами разделались бы, конечно, суровее. Таким образом я вышел бы из новой ссылки только в 1922 году.

Но спасла нас Февральская революция. Когда исправник возвращался с Ангары в Енисейск, дорогой в лесу его встретил комиссар из ссыльно-поселенцев, ехавший на Ангару освобождать политических. Исправник был арестован комиссаром и под конвоем отправлен в Енисейскую тюрьму. Так мы поменялись ролями с тем, кто думал крепко засадить нас.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Оторванные от центров политической жизни, заброшенные мстительной рукой самодержавия в глухие сибирские деревни, мы не вполне ясно представляли себе ход политических событий. Но приближение революционной бури нами чувствовалось. Поэтому ссылка последние месяцы жила напряженной жизнью. Мы все чего-то ожидали. Наконец, известие о том, что в Петрограде произошел переворот, дошло и до нас. Первое сообщение о перевороте мы получили от ссыльно-поселенца, находившегося на заработках на золотых приисках в районе Южной Тайги¹. Трудно было поверить. Некоторые товарищи предполагали, что это просто „утка“. Нужно было проверить факт. Я воспользовался проездом через деревню Чадобец англичан, скупщиков леса, только-что приехавших со станции железной дороги. Переводчик видел последние номера газет. События подтверждались. Но нам этого было мало. Ведь мы, в случае переворота, должны были предпринять определенные меры и по отношению к населению и к стражнику, охраняющему нас.

У нас был единственный выход — ехать кому-нибудь из товарищей в волостное правление, находившееся в ста километрах от Чадобца. Вызвался ехать латыш ссыльно-поселенец (фамилию его я не помню).

Притворившись больным, он заручился разрешением стражника выехать в село Богучаны в больницу.

Мы с большим нетерпением ждали возвращения товарища. Ссылные окружающих деревень почти ежедневно приходили в Чадобец и спрашивались, не приехал ли наш „больной“. Наконец, он вернулся. Весть о его приезде мигом облетела соседние деревни. Из Залидеевой к нам пришли почти все товарищи.

¹ По местному район золотых приисков завется Тайгой. В Енисейском уезде две группы приисков. Одна из них зовется Северной Тайгой, другая Южной Тайгой. Дорога на первую идет из Енисейска, на вторую через село Рыбное на Ангаре.

В этот замечательный вечер мы были в приподнятом настроении. Смеялись, шумно, как никогда, говорили, перебивали друг друга, надоедали с расспросами латышу. К сожалению, он никаких подробностей в волости не мог узнать, кроме подтверждения факта свержения самодержавия.

Нам пришлось запастись терпением и ждать дальнейших новостей, которые не замедлили придти.

Наконец, пришла долгожданная свобода, свергнуто самодержавное чудовище, сотни лет душившее страну, забросившее нас на долгие годы в почти необитаемую тайгу. Мы снова можем вернуться в круг своих друзей, снова можем бороться с ними рука об руку.

Наше возбужденное состояние требовало выхода. Ему тесны были рамки небольшого товарищеского кружка. Кто-то подал мысль устроить демонстрацию. Но как? На дворе темно. Решили сделать факелы и при их свете пройти по деревне. Мигом появилась пакля, смола. Быстро соорудили несколько факелов, зажгли их и вышли на улицу.

Картина получилась очень эффектная. Темная ночь. Тихий весенний, но еще достаточно холодный воздух. Ярко и весело горят факелы. Небольшая группа политических ссыльных, радостных, полных сил и надежд, с пением Марсельезы движется по сонным улицам деревни:

„Отречемся от старого мира,
Отряжем его прах с наших ног“...

Бодро несутся звуки боевой революционной песни, замирая в пустынных, снежных полях и дремучих лесах. Улегшиеся было спать крестьяне поднялись и с любопытством наблюдали необычайную картину. Они не могли понять, по какому случаю поднялись ночью все ссыльные и заволновались. Видимо, случилось что-то особенно важное.

„Дядя Ваня“ был убит самогонщиками при преследовании. Нас охранял другой стражник. Он знал хорошо про ночную демонстрацию, но побоялся выйти на улицу и принять против нас репрессивные меры. Он еще не знал о перевороте и на утро говорил крестьянам:

— Я им покажу революцию! Сегодня же напишу приставу рапорт и их всех арестуют.

Но он этого так и не дождался. Через несколько дней стало официально известно о перевороте, даже в самых отдаленных деревнях. Стражник сразу притих, снял с себя оружие и стал избегать встречи с нами. Он ни разу больше не приходил на квартиры с проверкой.

Нам теперь осталось только ждать распоряжения, чтобы организованным порядком выехать с Ангары.

Наша жизнь резко изменилась. Из поднадзорных мы превратились в свободных граждан. Скучных, медленно текущих дней нет уже больше в помине. Их сменило небывалое оживление, шумные, радостные собрания и беседы. Мы рвались к центрам общественно-политической жизни, строя всевозможные предположения относительно тех событий, которые для нас были не совсем еще ясны. Нам хотелось скорее узнать, какой размах приняло революционное движение, каких событий нужно ожидать в ближайшем будущем. Мы рвались из ссылки, чтобы как можно скорее вмешаться в самую гущу революционной борьбы.

Крестьяне всегда охотно посещали квартиры политических ссыльных, но с момента демонстрации они буквально осадили нас, много беседовали на политические темы, главным образом интересуясь тем, что даст им революция. Беднота задавала вопросы, как будет с буржуями и кулаками. Член правления кредитного товарищества Гриша, бедняк, вечно больной от надсасы, спрашивал меня:

— А как теперь, Николаич, с буржуями будет? Я думаю, что и им туда же дорога, куда всем этим приставам да крестьянским начальникам? Ведь хорошо бы для нашего брата мужика было?

Мы долго и терпеливо разъясняли крестьянам конечные цели большевиков.

Решено было устроить еще одну демонстрацию в большой деревне Климиной. На демонстрации должны были присутствовать ссыльные четырех деревень. Один из ссыльных нашей деревни приготовил красное знамя, за которым приехал из Климиной товарищ Н. Энгель. Знамя прикрепили к головкам „кошевы“ (сани) и Энгель отправился торжественно в свою деревню. Красное полотнище весело развевалось над „кошевой“.

Встречные крестьяне с удивлением смотрели на новое для них зрелище. Попавшийся навстречу бывший климинский стражник быстро свернул с дороги.

С этим знаменем потом мы выехали из ссылки, сдав его в партийную организацию города Канска, Енисейской губернии.

Через несколько дней демонстрация в Климиной состоялась. Мы несколько раз со знаменем и пением революционных песен прошли по двум улицам деревни. Крестьяне весело улыбались, глядя, как ссылка празднует свое освобождение. Некоторые из них примкнули к шествию.

— Теперь ваша взяла. Дождались свободы,— говорили мужики.

Наконец, приехал комиссар. Мы могли сняться с места. Стражники были разоружены и отправлены на фронт. Это произвело особенно сильное впечатление на крестьян.

Обратная наша дорога из ссылки была сплошным праздником. Всюду крестьяне встречали и провожали нас с полным сочувствием и вниманием, особенно крестьяне тех деревень, в которых мы жили. Они искренно радовались нашему освобождению, жалея в то же время, что из сибирских деревень уходит громадная культурная сила.

Меня крестьяне деревни Чадобец усиленно упрашивали остаться у них.

— Останься, Николаич, какое угодно тебе жалованье дадим. Кто же теперь у нас будет работать в кооперативе и кредитке? Все это держалось вами, ссылными, а теперь развалится. Снова богатеи начнут давить нас.

Я, конечно, отказался от такого предложения, считая, что мои силы будут более необходимы на другом фронте борьбы.

О широте размаха революционного движения мы получили представление только в дороге, отъехавши двести километров от своих деревень. В одной деревушке, Канского уезда, нам попал в руки номер одной явно демагогической газеты с лозунгами о демократической республике. Из того, что даже такая печать вынуждена была выкинуть такой лозунг, мы заключили, что движение получило широкий размах. Политические приходимцы, чтобы обмануть пролетариат, взяли движение в свои руки, решили поймать рабочую массу на удочку демократической республики, расколоть ряды пролетариата, усыпить его бдительность, парализовать энергию и исподтишка, под революционную шумиху, провести то, что в интересах буржуазии.

Таким образом мы уяснили себе приблизительно создавшуюся политическую обстановку. Без новой борьбы дело не обойдется, так как русский пролетариат не даст себя провести. Поэтому мы спешили выбраться из глухих углов в промышленные центры, туда, где завязывается новая борьба.

Проехав около пятисот километров, мы добрались до железнодорожной станции. Торжественно, со знаменами, мы въехали в уездный город Канск. Отсюда должны были разделиться — кто поехал на юг России, кто в Москву, но большинство нас направилось в Петроград.

Дорогой на всех крупных железнодорожных станциях мы, наместированные революцией, были предметом особого внимания.

Особенно тепло нас встретили в Ново-Николаевске (теперь Новосибирск) и Омске. Здесь местные организации устроили нам на вокзале обеды. Горячая, дружеская встреча была и в Перми, где нам пришлось на пару дней задержаться.

Долог был наш путь—около пятисот километров на лоша-
дях да почти пять тысяч по железной дороге. Частые оста-
новки, теснота и давка в вагонах порядочно надоели. Но мы
все же легко и весело совершили этот путь, прибыв в Пет-
роград в половине (по старому стилю) апреля.

ПЕРВОЕ МАЯ

Наконец я в Петрограде.

На другой день после приезда я пошел в контору газеты
„Правда“.

— Приехал? А мы тебя давно ждем,—встретил меня зав.
конторой тов. Шведчиков.

Я был определен на место, где работал три года назад
в ночную экспедицию газеты.

Какая резкая перемена обстановки! Еще несколько меся-
цев назад мы жили обычной жизнью политических ссыльных,
высчитывали сто первый раз, когда кончится срок ссылки,
чтобы уехать на волю и снова приняться с удесятеренной
энергией за свое обычное дело—подпольную работу, упорно
подтачивать самодержавие, а там опять... тюрьма... ссылка...

Теперь этого не может быть. Не должно быть. Но воспо-
минания о минувшем навязчиво лезут в голову.

Быстро, незаметно в пылу борьбы, в сутолоке жизни про-
мелькнули почти полтора десятка лет, проведенные то в бе-
гах, то на нелегальном положении, но на разнообразной пар-
тийной работе. Так много пережито за такой сравнительно
короткий промежуток времени.

Бывали времена особенно тяжелые, особенно мрачные,
когда казалось, что все небо сплошь покрылось свинцовыми
тучами, низко нависшими над печальной безгласной землей,
где в ожидании грозы замерло все живое. Тогда думалось,
что долго, долго не будет никакого проблеска. Жестокое са-
модержавие душило всякую светлую свободную мысль, всякий
благородный порыв, отмечая свой путь виселицами и рас-
стрелами.

Но и в такую минуту не гасла могучая вера в силы орга-
низации пролетариата и его конечную победу. Только эта
уверенность придавала силы для борьбы в такие полные без-
надежности дни. Как заветный огонек, манила она в заман-

чивую даль, обещая несказанные радости окончательной победы, грядущие счастливые дни строительства жизни на иных новых основах.

И с удвоенной силой боролись мы, смело шли навстречу опасностям, которыми была полна жизнь революционера. И революционное чувство не обманывало нас.

Были эти радости побед. Бывали мгновения, ослепительно озарявшие нам дальнейший путь. Яркое солнце новой жизни щедро рассыпало свои лучи, прогоняя мрак и холод, и чувствовалось, что черные силы реакции не в состоянии преградить наше победоносное шествие.

Ликовала и пела земля. Звуки радостных боевых гимнов говорили о мощи революции. Но враг не был еще побежден. Он только отступал, маневрировал, чтобы, выгадав время, снова обрушиться на нас.

И каждый раз, когда обнаглевшая реакция, забравшая опять силу, справляла свой кровавый пир, становилось особенно тяжело. Трудно было жить, трудно дышать. Многие, растратив свои силы в неравной жестокой борьбе, слабые духом, отходили от революции, погружаясь постепенно в тину обывательщины.

Но крепки были наши ряды, не гнулись. Вместо слабых приходили другие, более крепкие. Мы продолжали борьбу, уйдя в глубокое подполье.

Подполье — и ничем, казалось не ограниченная в первые дни после февральского переворота свобода.

Контраст между настоящим и прошлым выступал еще резче потому, что прибыли мы из ссылки в Петроград почти накануне Первого мая (18 апреля по старому стилю).

Всюду шла горячая работа по подготовке к празднику. Наступил и сам желанный праздник.

Ничего подобного не переживал я еще в своей жизни, и невольно опять напрашивалось сравнение с временами не так давно минувшими.

До революции русский пролетариат не мог свободно праздновать своего великого праздника — Первое мая. Приходилось приспособляться к условиям, брать где натиском, где изворотливостью. Там, где была хоть какая-нибудь возможность выступить открыто, пролетариат неизменно делал это, выходил на улицы городов с красными знаменами, революционными лозунгами и песнями, подвергая себя избиениям и расстрелам со стороны царских опричников. Идя на демонстрацию, революционер буквально обрекал себя на жертву. Редкий из де онстрантов возвращаясь домой не избитым, а многие

и вовсе не возвращались, посаженные за крепкие тюремные решетки.

Когда не было возможности выйти на улицу, товарищи собирались где-нибудь в роще или овраге, за городом и, сгорютившись от зорких глаз полицейских ищущих, праздновали великий пролетарский праздник.

Слабо, конечно, раздавался в таких условиях голос передовика рабочего, но он всегда находил себе отклик в сердцах угнетенных собратьев, в широких массах рабочих.

Томился ли революционер в тюрьме или в далекой ссылке, он свято хранил в своей памяти день Первого мая и старался чем-нибудь ознаменовать этот день даже в невыносимых каторжных условиях. В этот день все мы жили одной мыслью, одним желанием.

В тюрьмах, если условия хоть сколько-нибудь позволяли, раздавались революционные песни, за решетки тюремных окон выкидывались красные платки — знамена. Суровая тюрьма принимала необычайный для нее вид. Бегали по длинным темным коридорам от волчка к волчку, зловеще гремя ключами, надзиратели. Они кричали и ругались на чем свет стоит. Суежилась администрация, щедрая на угрозы и кары. Нередко появлялся военный караул.

За праздником следовала расплата за нарушение правил и инструкций. Обозленная администрация не скупилась на репрессии. Побои, темный вонючий карцер, лишение передач, свиданий, переписки — вот арсенал испытанных способов воздействия на непокорный бунтующий дух политических заключенных.

Тяжелые, грустные воспоминания,

В ссылке, где было значительно свободнее тюрьмы, Первое мая праздновалось, конечно, иначе. Мне два раза пришлось встречать Первое мая в тюрьме и несколько раз в ссылке.

Первый раз в ссылке я встретил Первое мая в 1911 году в селе Богучанах.

Захватив с собой полевой чайник и кой-какую закуску, весело болтая, шумно смеясь, мы отправились на соседнюю гору, откуда открывался чудный вид на окрестности.

Мы выбрали удобное место на склоне горы. Вверх поднимался темнозеленый сосновый лес, внизу раскинулось широкое, начинающее зеленеть поле, а далее виднелась красавица Ангара. Она была еще скована льдом, как броней, но время брало свое — лед темнел, рыхлел, пучился, и река готовилась разбить свои оковы.

— Вот я однажды встретил Первое мая, так встретил. Угостили меня казаки воистину по-царски,— заговорил Вася.

— Что же, это ты принимал боевое крещение?— спросил я. Помолчав немного, он продолжал:

— Мы решили выйти на улицу. У нас была хорошо организованная группа — литейщики, железнодорожники, типографские рабочие, студенты.

Началась демонстрация. Едва мы прошли несколько шагов, как городовые и казаки окружили нас, приняв в шашки и нагайки. Околоточные открыли стрельбу. Были среди нас раненые. Я счастливо избежал нагайки и ареста и уже кривыми переулками, чтобы не привести за собой шпиков, пробирался домой. Но вдруг из-за угла показался казак:

— Стой!— гаркнул он.

Первое, что мне пришло в голову — бежать. Казак за мной. Запнувшись об что-то, я упал. Прискакал еще казак. Пришлось сдаваться. Поднялся. Мне скомандовали:

— Бегом!

Побежал, а мои конвоиры на лошадях с двух сторон подбадривали меня нагайками. Так бежал под градом ударов более версты до полицейского участка. Посидел в тюрьме, оправился от побоев и пошел в ссылку. Вот как кончилось мое первое открытое заявление о том, что я хочу быть свободным гражданином.

— Стражники!— шепнул Гриша.

Действительно внизу, направо, на тропе, протоптанной коровами, мелькнули две фигуры — пристав послал своих ищек за нами. Впереди сухой высокий Шумов, хитрая лиса, всегда подлаживающаяся к ссыльным.

Увидели нас, завернули на полянку, но придраться было не к чему. Посидев немного для приличия, стражники, к великому нашему удовольствию, удалились во-свояси.

Когда солнце коснулось своим краем вершины соседнего хребта, мы пошли домой. Музыка и песни не прекращались всю дорогу. В село мы вошли под звуки Марсельезы. Всполошились стражники, забегали по переулкам, ища преступников. Но было поздно.

С тихой радостью, со светлой мечтой разбрелись мы по своим каморкам и долго потом не могли успокоиться и заснуть, полные только-что пережитого.

А вот и другая, не менее дорогая сердцу, картина встает в моем воображении. Было это уже в третью мою ссылку, в селе Чадобце. Мы собрались из четырех деревень на празднование Первого мая. Веселой гурьбой отправились на реку,

где скалы сжали ее в своих холодных объятиях, а река, прытая, как дикий зверь, несется по камням, белея от пены.

Алексей, мой однодеревенец несет целую четверть хорошего домашнего квасу, специально приготовленного для праздника заботливой Марусей. У меня на руке корзинка со всякой снедью — тут и пирожки, и булочки, и прочие хорошие, редкие в ссылке вещи.

На обрывистом берегу развели большой костер. Ярко горит он, взметая высоко вверх пламя и каскады искр. Часть товарищей организовала хор. Раздались бодрые звуки Марсельезы. Песня росла и ширилась, соперничая с шумом неугомонного порога, оглашая ущелье диких, угрюмых гор, впервые встревоженных звуками борьбы, мести, призывом вперед.

Здесь, в мрачной тайге, полной нной жизни и борьбы, вольно неслась песня возмущения и восстания против свирепого царского режима, а там, где остались наши друзья, было глухо, все подавлено. Но шла неутомимая подпольная работа, подтачивая устои, на которых держалось самодержавное чудовище.

Мы, воодушевленные песней, смелые и сильные, крепко верили, что рассвет недалек, что сгинет мрак, — и новые бодрые звуки неслись далеко по полям и лесам.

И вот сбылись мечты. Оправдались надежды. Победили мы. В шумной столице встречаю Первое мая. Многотысячная толпа. Море красных знамен, звуков, восторга. Небывалая картина. Весь мир с изумлением смотрит на нас. Сердце радостно бьется в груди. И все-таки вспоминаются ссылка, тайга. Первое мая светлым пятном выделяется на общем темном фоне. Тогда... — а теперь! Какое счастье! Я увидел то, к чему я стремился, за что упорно боролся полтора десятка лет, начиная со школьной скамьи. Забыто мрачное прошлое. Счастливы от одной мысли, что в великом торжестве есть какая-то часть и моей жизни, моей крови, моих трудов и борьбы, и я радостно иду в тесных рядах товарищей.

Но это великое торжество вовсе не означает трогательного единения всех слоев населения, замирания классовой борьбы после свержения самодержавия.

Мы знаем, что борьба не кончена. Государственная власть находится в руках Временного правительства, правительства империалистической буржуазии. Классовые противоречия обостряются. Создалась новая, более сложная, напряженная обстановка, перед нашей партией встали новые задачи.

Тов. Ленин сразу по приезде в Россию в апрельских тезисах дал партии новую ориентировку на новый этап борьбы.

„Своеобразие текущего момента в России, — говорит он, — состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и бедняцких слоев крестьянства“. Ленин в своих тезисах поставил вопрос об организации Советского государства, о республике советов, как форме диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Только в ожесточенной классовой борьбе, в борьбе против меньшевиков, в непримиримой борьбе против оппортунистов всех мастей, за линию партии можно добиться разрешения этой задачи.

ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

Быстро бежали дни, полные захватывающих событий. Верное традициям свергнутого самодержавия, Временное правительство твердо решило продолжать войну до пресловутого победного конца. Русский пролетариат, почерпнувший большой опыт в революционных боях, не дал обмануть себя. Он зорко следил за каждым шагом Временного правительства и резко реагировал на его контрреволюционные маневры.

Революционное движение под руководством партии большевиков во главе с тов. Лениным быстро поднималось на новую высшую ступень.

Большевистская печать, — это мощное орудие в классовой борьбе, была на передовых позициях. И Временное правительство отнеслось к ней со всей злобой классового врага. Оно с первых же дней стало, как и бывшее самодержавие, на путь открытого гонения на рабочую печать. „Правду“ травили, ее работников преследовали. Даже разносчиков и продавцов газеты не оставляли в покое. Их угрозами хотели заставить прекратить распространение „Правды“. Делали на них нападения, отбирали газету, бросали ее в Фонтанку, сжигали. Буржуазная сволочь и ее агенты ни перед чем не останавливались.

Когда в июльские дни пролетариат столицы вместе с гарнизоном снова вышел на улицу, Временное правительство решило разгромить „Правду“, вышибить из рук рабочего класса его лучшее орудие.

Рано утром здание на Мойке, где помещалась редакция и печаталась газета, окружили казаки и егеря. У ворот стоял автомобиль с пулеметом. Начался форменный погром. Стереотипы были сняты с ротационной и разбиты. Шкафы и столы

в конторе взломаны, документы и бумаги частью похищены, частью изорваны и разбросаны по комнатам и коридорам.

Была разгромлена и только-что приобретенная на пожертвования рабочих типография „Правды“ на Кавалергардской улице. Наборные машины здесь были поломаны, шрифты рассыпаны. Озверевшие офицеры избили несколько работников.

Нас, сотрудников экспедиции „Правды“, арестовали. Это был мой девятый, но и последний арест.

Тов. Мендельсона при аресте избили офицеры.

Под усиленным конвоем нас направили в контрразведку. Начался допрос.

— Вы Коллонтай?— спрашивают арестованную уборщицу.

— Нет, я уборщица.

— Разве? Ах, извините.

Такой же конфуз с контрразведчиками получился при опросе другого товарища, которого приняли за одного из руководящих партийных работников.

У конторского работника т. Гальперина при обыске обнаружили несколько серебряных гривенников. Обрадовались контрразведчики.

— Скажите, пожалуйста, откуда у вас серебро? Это германские деньги.

— Ну, конечно, немцы за гривенник могут подкупить кого угодно,— обрезал Гальперин.

Сконфуженные таким оборотом дела, контрразведчики прекратили допросы, через несколько часов всех нас освободили.

На другое утро (4 июля) мы снова работали, но на этот раз уже в типографии на Кавалергардской. Нужно было выпустить „Листок правды“.

Враг преследовал нас по пятам. Шпики все время сновали около типографии, нагло заглядывали в окна.

В этот день мы понесли тяжелую потерю—тов. Воинов, работник багажного отделения экспедиции, был убит на улице во время продажи „Листка правды“.

Не стало „Правды“, но не умерла большевистская печать. Она жила, несмотря на самые жестокие преследования. Уже 23 июля вышел „Рабочий и солдат“, которого было выпущено 9 номеров. На смену ему пришел „Пролетарий“, просуществовавший с 26 августа по 6 сентября. Затем „Рабочий“ с 7 по 15 сентября. И наконец, „Рабочий путь“, смененный „Правдой“ после Октябрьского переворота.

Накануне Октябрьского переворота временное правительство решило совершенно ликвидировать большевистскую печать. Оно закрыло „Рабочий путь“ и опечатало нашу типографию.

А. Балунов.— По тюрьмам и ссылкам—6.

Но настал уж такой момент, когда вопрос встал ребром — быть или не быть. Печати с типографии были сорваны, и мы продолжали работу, готовя очередной номер.

Ждали все-таки налета. Но правительству было не до этого. Оно уже фактически потеряло власть.

Мы из экспедиции держали тесную связь по телефону со Смольным. Вот нам сообщают — к утру наша партия будет правительственной. Через некоторое время опять звонят из Смольного: „Временное правительство объявлено свергнутым, рабочие и войска захватывают вокзалы и учреждения“.

Перед нами встала новая задача. Потребуется сотни тысяч газет, а машина типографии „Правды“ только к полудню может дать не больше 70 тысяч. Как быть? Собрали совет. Надо тоже захватывать — типографию.

После различных предложений товарищей я посоветовал перебраться на Ивановскую 14, где до войны печаталась „Правда“ (теперь печатается „Ленинградская правда“). Эту типографию я хорошо знал. Она вполне удовлетворяла нас. Товарищи согласились с моим предложением. Через несколько минут мы были на Ивановской. Из машины были выброшены стереотипы черносотенной газеты „Русская воля“, и „Правда“ прочно водворилась на старое место.

„ПРАВДА“ В 1912—1913 ГГ. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ¹

(ВОСПОМИНАНИЯ)

В южных горах седого Урала, по берегам серебристой и быстрой реки Белой, окаймленным бахромой соснового бора, мощно раскинулись чугунолитейные и железоделательные белорецкие заводы во главе с центром горного округа — Белорецким.

Всего их семь: Белорецкий, Тирляндский, Узьянский, Кашинский, Авзяно-Петровский, Зигагинский, Лапыштинский.

Десятки тысяч рабочих работали на них. Сотни тысяч башкир и крестьян из прилегающих к этим заводам сел и деревень эксплуатировались, „кормились от этих заводов“ тесно соприкасаясь с рабочими.

Жили почти одной жизнью, думали одну думу, тянули тяжелую лямку капитала, вздымали очи „горе“ „ко господу богу“—и ждали с небеси себе улучшения, своей участи тяжелой облегчения, уму просветления.

А жадный спрут — капитал своими щупальцами жестко сосал кровь рабочих, чеканя из нее золото.

И вдруг блеснул луч надежды на облегчение жизни, на улучшение быта. Грянул благодатный гром..

То был 1905 год.

С хоругвями, попами, с урядниками и прихвостнями капитала двинулись рабочие по улицам заводов. Нарядились в лучшие платья. Ведь праздник большой,—царь издал манифест..

Пели и „боже, царя храни“, и Марсельезу, и Варшавянку и другие.

А слуги царские подготовили „встречу“ ликующим и... пролилась кровь...

Из „дворца“ оренбургского губернатора Белорецкий округ был объявлен мятежным. Округ был объявлен на военном положении. К „беспокойным“ и „сдуревшим“ рабочим, не

¹ Сборник „Путь правды“ (материалы и воспоминания). К десятилетнему юбилею 1912—1922 гг. Тверское издательство, 1922, стр. 197—201

слушающим даже представителей бога — попов, были присланы и приставлены „няньки“ из оренбургских казаков.

Началось „усмирение“.

Снова потянулись ужасные, беспросветные дни, дни реакции, темной, жестокой.

Видевшим свободный луч света и надежды рабочим стала жизнь еще более невоготу. Классовая ненависть обострилась: враг обнаружен, узнан, понят. Поняты пути освобождения: не через молитвы кнебу, а через кровавую войну с капиталом и его слугами.

1905 год прояснил классовое сознание рабочих белорецких заводов.

А реакция неистовствовала...

Но как за ночью следует день, так и за реакцией последовал под'ем, пробуждение, революционный порыв. Вновь появились революционные „тучи“.

Первые раскаты — весьма слабые — возвещающего новые битвы грома докатились до рабочих белорецких заводов, в 1912 г. с далеких ленских приисков.

В воздухе запахло свежестью, бодростью, весной.

Весна и в природе.

Разглаживаться стали морщины рабочих. Лица посветлели. В глазах заблестел знакомый, призывный к солидарности, к борьбе, огонек.

В уголках заводов, у станков, горнов, доменных печей, в кипятниках стали собираться кучки рабочих и шептаться.

Заюркали по ночам в калитки конспиративных квартир „вожаки“.

Оживились и „гончие“ — шпики. Полиции добавились „лишние хлопоты“.

Но ясности у рабочих не было. Лишь слухи и слухи. Конкретного ничего. Где началась борьба, как она идет, не провокация ли?

Передовики рабочие нервничали, пытались связаться с Златоустом, Уфой.

И вдруг, — словно сорока на хвосте принесла, — замелькала в руках рабочих „Правда“.

Всего номера два — три появилось в Белорецком заводе. Из рук в руки переходили они. Замаслились, засалились, покрылись копотью, износились до дыр, а все — хоть лоскутки — читались.

Перекочевали эти номера и в другие заводы.

Рабочие ожили, заговорили. Словно яркое солнце их обласкало. „Правда“ своей рабочей правдой, острым правдивым

словом, языком весьма близким, родным, понятным ободрила, зажгла огонь борьбы в сердцах наиболее сознательных, вновь окрылила верой в правоту рабочего дела, надеждой на облегчение в близком будущем.

Кучки рабочих по углам, кипятильникам, местам завтраков и обедов усилились, шопот перешел в тихий, робкий разговор. Обдумывалась жизнь, борьба. Проводилась аналогия того, что пишется в „Правде“ и что творится среди них, у них на заводе в окружающей среде.

Увеличились, участились „конспиративки“ вожаков, — стрелянных птиц“.

Жизнь забурлила.

Когда в „Правде“ появились корреспонденции о жизни и быте рабочих Белорецкого завода, интерес к „Правде“ пробудился и у более отсталых рабочих. Количество номеров намного увеличилось. Круг читателей значительно расширился.

Пронюхала об этом администрация. Через своих лакеев пустила в рабочую среду „оштрафку“, что, мол, не дешево достанется „Правда“ читающим ее.

Слабые насторожились, а затем отошли в сторону: „моя, дескать, хата с краю, я ничего не знаю“.

Трусливые стали „уверещать“ более сильных и смелых, чтобы те „бросили якшаться с политикантами, а то — Сибирь, каторга, голод, смерть“.

„Не нам уж тягаться с заводчиками да мастерами. Брось! Уж больно народ-то у нас несогласный“, — говорили они.

Некоторые, чтобы выйти скорее в люди, стали шпионить, сообщать своему начальству, кто что говорит, кто читает „Правду“, какие планы и думы у рабочих.

Начальство стало напирать. Под искусной рукой управляющего округом запрыгали иерархические кнопки. Мелкая сошка пришла в движение и стала насаждать на „строптивых“ рабочих, на „политикантов“. В своем чрезмерном усердии услужить „начальству“ эти сошки делали не мало глупостей, которые лишь способствовали обострению классовой ненависти.

Шли дни, недели, месяцы.

А „Правда“, „За правду“, „Путь правды“, „Северная правда“, — все правда и правда рабочая продолжала поступать в далекий медвежий уголок, будя революционную мысль, зажигая сердца рабочих огнем классовой борьбы, организуя, сплачивая их, мобилизуя умы на войну против капитала.

В 1913 г. в Белорецком заводе рабочие начали вывозить с завода на тачках мастеров — этих верных слуг капитала в то время и ярых врагов рабочих.

Округ ожил, забурился. „Начальство“ — заводское и полицейское — пришло в замешательство, от удивления разинуло рты, — как, мол, это так тихо, незаметно проникла „зараза“ и „одурачила“ рабочих.

Началась классовая схватка. „Правда“ указывала пути и методы борьбы. „Правда“ была огромнейшим революционным фактором. Она зажигала, бодрила, спаивала, воспитывала.

И только империалистическая война 1914 г. приостановила разгоревшийся пожар классовой войны как во всей России, так и в медвежьей ее угодке — Южном Урале.

Но семя „Правды“ пыльным цветом расцвело в 1917 г., особенно в 1918 г. Против чехо-словаков, против Колчака *Белорецкий округ дал десятки тысяч бойцов* (белорецкие рабочие с Блюхером во главе пробились сквозь строй белых и вышли к Красной армии на линию Красноуфимск — Екатеринбург), дал не мало красных вождей...

Лишь 10 лет прожито, а сколько пережито!.. счастливое, радостное!..

Корреспондент „Правды“ в 1912—13 гг.

А. КУЧКИН

ПРОЕКТ УСТАВА ЧАДОБСКОГО РАЙОНА¹

I. ОРГАНИЗАЦИЯ РАЙОНА

1. Чадобская районная организация является автономной частью КВПСР² и действует в пределах общего устава.

2. В состав Чадобского района входят следующие колонии и ячейки: 1) Климинская (Климина, Гольтявина), 2) Чадобская (Чадобец, Залидеевка, Сыромолотова), 3) Ярkinская (Яркино, Юрохта), 4) Проспихинская (Проспихина, Када), 5) Рожковская (Рожкова, Соснова).

3. Ячейки, имеющие не менее 3 членов корпорации, имеют право образовать самостоятельную колонию путем простого заявления в бюро района.

II. ПРИЕМ ЧЛЕНОВ

1. Прием новых членов производится согласно уставу корпорации по рекомендации не менее одного члена или решению колонии. Постановление колонии о приеме принимается простым большинством при отсутствии мотивированного протеста и большинством двух третей при наличии такового.

¹ Этот документ и помещаемый ниже кассовый отчет приводятся здесь в новой орфографии. Написаны они были без твердого знака, как обычно писали в то время революционеры. Все документы корпорации были нелегальные и тщательно прятались.

² Касса взаимопомощи политических ссыльных Приангарья.

Примечание: Оспоренный кандидат имеет право обратиться к третейскому суду, к контрольной комиссии или к районному с'езду.

III. СРЕДСТВА РАЙОНА

1. Средства района составляют: 1) из 75-проц. отчисления с прогрессивно-подоходного налога и 10-коп. членского взноса, каковые средства передаются колониями в кассу района целиком; 2) средств, поступающих в районную кассу от правления корпорации¹ и 3) из специальных пожертвований в кассу района.

2. Прогрессивно-подоходный налог взимается согласно общего устава.

IV. ИНВЕНТАРЬ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Распределение общекорпорационного и районного инвентаря производится в пределах района районным бюро согласно нуждам членов колоний.

2. Покупка и починка инвентаря до 3 руб. может производиться из средств районного бюро по соглашению с колонией в зависимости от состояния кассы и степени необходимости данного расхода. Расходы свыше 3 руб. производятся согласно IV разделу общего устава².

V. С'ЕЗДЫ РАЙОНА

1. Высшим учреждением района является с'езд представителей колоний, созываемый бюро района раз в 3 месяца. В экстренных случаях с'езд созывается бюро района, контрольной комиссией или по требованию не менее 2 колоний. Если бюро района откажется созвать с'езд при наличии требования 2 колоний, любая из этих колоний может взять на себя инициативу созыва с'езда.

2. С'езд считается законным при наличности не менее трех четвертей членов корпорации данного района, представленных на нем.

3. Представители на с'езд выбираются по 1 на каждом 3 члена. Колонии имеют право передавать свои мандаты другим членам корпорации.

¹ Правлением корпорации называлось правление всей ангарской политической ссылки бывш. Енисейского уезда, избираемое с'ездом. В районных организациях избирались районные бюро.

² Общий устав — устав организации всей приангарской ссылки Енисейского уезда. Кроме того, каждая районная организация имела свой устав, как автономная единица, но не противоречащий общему уставу.

4. По желанию группы не менее трех человек делегаты на с'езд выбираются на основе пропорционального представительства течений², т. е. голосование происходит по спискам: число голосов, поданных за каждый список, делится на 3, частное будет число представителей от данного списка. Если окажется остаток мандатов, то их получают списки, в которых остатки от деления наибольшие.

5. Компетенция районного с'езда определяется рамками общего устава.

VI. БЮРО РАЙОНА И ЕГО ФУНКЦИИ

1. Районный с'езд выбирает районное бюро из 3 лиц и кандидатов к ним.

2. Бюро района само распределяет функции между своими членами, ведет сношения с правлением корпорации и колониями, служит посредником в сношениях колоний с правлением, заведует районной библиотекой и кассой, выдает ссуды, ведет статистику членов корпорации и их нуждемости, оказывает содействие бюро труда и закупочной комиссии, ежемесячно дает отчеты о своей деятельности колониям, в частности в этих отчетах должны регистрироваться: 1) все поступления в кассу, причем взносы каждого члена *заносятся особо (под номером); 2) все выдачи из районной кассы; 3) наиболее крупные события в жизни района и корпорации.

VII. ВЫДАЧА ССУДЫ

1. Ссуды выдаются бюро района только членам корпорации, нечленам не выдаются, хотя бы и по рекомендации членов корпорации.

2. Исключение составляют вновь прибывшие тт., которым ссуда может быть выдана до вступления в корпорацию, но исключительно по представлению колонии.

3. Все ссуды выдаются по удостоверению колонии. В исключительных случаях бюро района выдает ссуды самостоятельно.

4. Ссуды могут быть возвратные и безвозвратные.

5. Размер безвозвратной ссуды не может превысить установленного в колонии минимума. Размер ссуды определяется бюро района в зависимости от состояния кассы и степени нужды.

¹ В организации ссыльных состояли люди различных партий. По кооперативным условиям слово „партия“ не употреблялось, а заменялось иногда термином „течения“. Для всех было, конечно, понятно, о чем в данном случае идет речь, но придаться, возбудить „дело“ охранке формально было нельзя.

6. По соглашению колоний с бюро района ссуды могут быть выдаваемы в увеличенном размере на несколько месяцев.

7. Возвратные ссуды выдаются бюро района по соглашению с берущим ссуду на срок — для административных ближайшей полочки, а поселенцам по соглашению с бюро района.

8. Сами колонии могут производить выдачу ссуд только в экстренных случаях за своей ответственностью, которая выразится в том, что в случае неутверждения расхода бюро района и районным съездом, колонии должны возместить эту ссуду из своих средств.

VIII. БИБЛИОТЕКА РАЙОНА

1. Для заведывания библиотекой бюро выбирает из своей среды ответственного библиотекаря.

2. Средства библиотеки состояются: 1) из 10-проц. отчислений со средств, поступающих в кассу района, за исключением 10-копеечных членских взносов и сумм, идущих из правления в районный фонд взаимопомощи; 2) членского взноса на библиотеку в размере 5 коп; 3) из специальных пожертвований и 4) из сумм, поступающих в библиотеку из правления.

3. Выписка новых книг производится после референдума по спискам на основе пропорционального деления средств между списками ¹.

4. Выписка журналов производится на средства библиотечного фонда, причем оплачивается только единственный экземпляр на весь район (в случае если такового не получается бесплатно).

5. На чтение новых журналов устанавливается срок не свыше 3 дней на 1 человека.

6. Для лиц, занимающихся регулярной работой, отнимающей много времени, этот срок может быть удлинён ответственным библиотекарем, но не свыше 5 дней.

7. Распределение журналов по колониям производится библиотекарем по возможности равномерно и считаясь со степенью интереса к журналу в разных колониях.

8. Библиотекарь представляет каждые 3 месяца отчет о деятельности библиотеки.

¹ Эта мера была необходима в виду разнородного политического состава организации ссыльных. Отдельные списки книг отражали собой различные партии. Средства, расходуемые на выписку книг, делились между списками пропорционально количеству поданных за каждый список годов. Таким образом по этим библиотечным спискам можно было судить о силе и влиянии той или другой политической партии в организации ссыльных.

IX. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КОЛОНИИ

1. Колонии выбирают из своей среды представителей, ведущих сношения с бюро, собирающих членские взносы и наблюдающих за регулярным обращением книг и журналов.

X. КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ

1. Районный съезд выбирает контрольную комиссию из 3 лиц, на обязанности которых лежит разбор всякого рода инцидентов, так или иначе касающихся организации.

Уставная комиссия, выработав устав района, предлагает его товарищам на утверждение или на отклонение в целом.

Считая, что вопросы, вызывающие в уставной комиссии разногласия по техническим соображениям ставить на референдум неудобно, комиссия находит более рациональным поставить их на ближайшем районном съезде, предварительно ознакомив с ним товарищей¹:

1. Вопросы об учреждении экстренного фонда при районной кассе (1—за и 2—против).

2) Вопрос о размере библиотечного фонда при районной кассе (2—за 10 проц. и 1—за 5 проц.).

Кроме того, уставная комиссия приняла следующую резолюцию по вопросу о выработке одинаковых оснований при установлении минимума различными колониями внутри района:

„Уставом корпорации определить минимум средств существования представляется колониям. Поэтому формально району право решить этот вопрос не предоставлено. Однако, уставная комиссия, считаясь с возможностью установления различных минимумов (в количестве продуктов) различными колониями и неизбежными в этом случае трениями в ссылке, считает необходимым установление на ближайшем районном съезде минимума в продуктах², о чем и доводит до сведения тт. в колониях для обсуждения этого вопроса“.

Уставная комиссия

¹ Вопросы, по которым возникли разногласия в уставной комиссии, не были поставлены на референдум по конспиративным соображениям, так как это были по существу политические вопросы. Из конспиративных же побуждений комиссия мотивировала снятие их с референдума техническими соображениями.

² Стоимость жизни в различных деревнях была неодинакова, следовательно нельзя было установить общий для всей ссылки или всего района прожиточный минимум в денежном выражении. Поэтому он устанавливался в количестве и виде продуктов, а на основании цен на продукты выводился прожиточный минимум для отдельных колоний. Особенное значение это имело для отдаленных деревень.

О Т Ч Е Т Ч Р К¹

за февраль 1916 года

О Б Щ И Й

П р и х о д	Руб.	К.	Р а с х о д	Руб.	К.
Остаток на 1 февраля	1	49	Канцелярский	1	35
Взято взаимнообразно .	35	00	Безвозвратных ссуд .	40	00
Возвращено ссуд	5	00	Возвратных ссуд . . .	20	15
Возвращены удержан- ные деньги	1	00	Списано со счетов . .	12	00
Библиотечные поступ- ления	3	16	Уплата долга	10	00
Членские взносы . . .	6	30	Расход яркинцев на Я	5	19
Прод. отчисления . .	39	78	Сдано в библиотеку .	3	30
С воли для „К“ ² . . .	55	00	Отослано „К“	18	00
Пожертвовано для „К“	3	00			
Из Каменского района	4	25			
Итого . .	153	98	Итого . .	109	99
			Остаток на 1 марта	43	99
				153	98

¹ ЧРК—Чадобская районная касса.

² „К“—значит „корпорация“, общеангарская организация политических ссыльных бывшего Енисейского уезда.

Деревня	От кого поступило	Доход		Норма отчислений в процентах	Сумма		Особые примечания
		Руб.	К.		Руб.	К.	
Климина с Гальт- виной (7 членов) ¹	Остаток на 1 февраля	—	—	—	1	49	В январе членов было 48; к 1 марта членских взносов всего уплатили за январь 22 чел. в январе и 16 в феврале). В феврале членов было 39; членские взносы за февраль уплатили 14 человек.
	№ 1 и 4 за янв. членские взносы	8	00	—	—	20	
	№ 1 и 4 взносы в библ.	—	—	—	—	10	
	№ 1-7 за фев. чл. взносы	—	—	—	—	70	
	№ 1-7 взносы в библ.	—	—	—	—	35	
	№ 7 за янв. процентные отчисления . .	—	—	12	1	21	
	№ 7 за февр. процентные отчисления . .	—	—	12	1	44	
	№ 1, 3, 4, 5 за февр. членские взносы . .	—	—	—	—	40	
	№ 3, 4, 5 за январь членские взносы . .	—	—	—	—	30	
	№ 1 и 5 за февр. в библ.	—	—	—	—	10	
Залидеева (6 членов)	№ 5 за январь " "	—	—	—	—	05	
	№ 5 за январь процентные отчисления . .	30	00	30	6	00	
	тоже за февр. "	28	00	30	5	40	
	№ 3 за январь проц. отчисления	13	00	12	—	36	
	№ 4 " " "	13	00	12	—	36	
	№ 4 в возврат ссуды .	—	—	—	2	00	
	Вписывается в счет возвр. ссуды для № 4 неверно записан старым бюро	—	—	—	2	00	
	Вписывается в счет возв. ссуды для № 4 несданные при передаче дел старым бюро	—	—	—	1	00	
	Поступило с воли через № 5 из Мин.	—	—	—	5	00	
	№ 4 за янв. членские взносы	—	—	—	—	10	
Чадобец (5 членов)	№ 5 за янв. и февр. членские взносы . .	—	—	—	—	20	
	№ 5 за янв. и февр. взн. в библиотеку .	—	—	—	—	10	

¹ Указанное в отчете количество членов колоний не всегда совпадает с количеством политических ссыльных, так как отдельные ссыльные не состояли членами корпорации. В частности в селе Чадобце, где было много анархистов, вне рядов организации находилось несколько человек, вот почему по Чадобцу показатель количества членов корпорации ниже показателей других деревень.

Деревня	От кого поступило	Доход члена		Норма отчислений в процентах	Сумма		Особые примечания
		Руб.	К.		Руб.	К.	
Сыромолотов (4 чл.)	№ 5 за январь и февр. проц. отчисления . .	21	50	25	5	75	В феврале внесло 9 человек членских взносов за 1915 г. на сумму 3-30.
	Пожертвования для „К“	—	—	—	3	00	
	Поступило с воли из Мин. через № 1 . .	—	—	—	10	00	
Сыромолотова	№ 1 за янв. и февр. членские взносы . .	—	—	—	—	20	
	№ за 1 янв. и февр. в библиотеку	—	—	—	—	10	
	№ 1 проц. отчисл. за янв. и февр.	10	00	12	—	72	
Проспихина (6 членов)	№ 4 за декабрь член. взносы	8	00	—	—	10	
	№ 4 за сент. февр. членские взносы . .	—	—	—	—	60	
	тоже в библиотеку . .	—	—	—	—	30	
Яркина с Юрохтой (11 членов)	№ 4 за сент. январь проц. отчисления . .	13	00	12	1	80	
	Тоже за февраль проц. отчисления	26	00	30	4	80	
	№ 4 получено в погашение удержанных в янв. колонией 5 руб. . .	—	—	—	1	00	
	№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10 чл. взн. за 1915 год .	—	—	—	2	80	
	С них же за январь .	—	—	—	—	70	
	„ в библиотеку за 1915 год	—	—	—	—	40	
	С них же в библиотеку за январь	—	—	—	—	35	
	С нечл. поступило в библиотеку	—	—	—	—	31	
	№ 2 проц. отчисления	—	—	—	2	40	
	№ 3 „ „	—	—	—	—	30	
	№ 6 „ „	—	—	—	—	30	
	№ 7 „ „	—	—	—	2	92	
	№ 9 „ „	—	—	—	5	30	
	№ 10 „ „	—	—	—	—	72	
	Пост. с воли через № 7	—	—	—	25	00	
	„ „ „ № 9	—	—	—	5	00	
	„ „ „ № 3	—	—	—	5	00	
	„ „ „ № 9	—	—	—	5	00	
	Взято взаимнообразно из Р. библ.	—	—	—	10	00	
	Тоже от „К“	—	—	—	25	00	
	Получено из Каменск. Р. для „К“	—	—	—	4	25	
ИТОГО .					153	98	

Куда израсходовано	Руб.	К.	Особые примечания
Канцелярский	1	25	
На переписку протоколов	—	10	
Безвозвр. ссуд вновь прибывшим	10	00	
" " Проспих. № 2	10	00	
" " " № 5	10	00	
" " Чадоб. П.	10	00	
Возвратная ссуда яркинцам	20	15	
Списывается с январского счета яркинцев . .	10	00	
" " " " Сыромолотово неправильно внесенные старым бюро	2	00	
Уплачен долг в библиотеку	10 ¹	00	
Расходы на Я,—произведенные Ярkinской коло- нией и утвержденные старым бюро	5	192	
<i>Сдано в библиотеку:</i>			
Членских взносов	2	60	
Получено с нечленов за чтение	—	31	
10-проц. отч. с подоходн. налога (3-90) за янв.	—	39	
<i>Отправлено в „К“</i>			
Пожертвований	3	00	
Поступлен. с воли через Ярк. № 3	5	00	
" " " " № 9	5	00	
" " " Залид. № 5	5	00	
Итого	109	99	
Остаток на 1 марта . .	43	99	
	153	98	

1) Эти 10 рублей были получены из Яркино в январе, но неизвестно на какой счет; в виду того, что в настоящем отчете внесены все поступления яркинцев, то эти 10 руб и списываются.

2) Эта сумма раньше в отчете не могла быть проведена, так как подробный отчет от яркинцев получен только в феврале.

СОСТОЯНИЕ КАССЫ

	Руб.	К.		Руб.	К.
В кассе на 1 марта	43	99	<i>Наш долг „К“</i>		
			Долг на 1 февр. 15—30		
			Зачтены нам в долг деньги, полученные с воли 30-00		
			Получено от „К“ в долг 25-00	70	30
			<i>Подлеж. к отправке „К“</i>		
			Получен. с воли 10-00		
			„от Каменск. Р. 4-25		
			25 проц. с 46 руб. 8 коп. (сумма членских взно- сов и процентных от- числений за февраль в райкасу) 11-52	25	77
			<i>В библиотеку</i>		
			10 проц. с 39 руб 78 коп отчис. за февр. . . 3-98		
Дефицит на 1 марта	56	31	Несданные в библиот. взносы 0-25	4	23
Итого . . .	100	30	Итого . . .	100	30

Резолюция, принятая на собрании уполномоченных из 200 рабочих по поводу участия в военно-промышленных комитетах

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уполномоченные фабрично-заводских рабочих г. Петрограда, руководствуясь наказом, данным избирателями, считающими принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне, доводят до сведения означенного комитета, что петроградский пролетариат от выборов своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет отказывается и заявляет, что если в составе Военно-промышленного комитета окажутся каким-либо образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба.

Ответственный редактор П. А. Бажов. Технический редактор А. М. Громов. Корректор С. А. Левандовский. Сдано в производство 31/V 1933. Подписано к печати 10/IX—33. Уралогиз 858. Уралобллит В—116. Индекс V—Эк-5 б. Формат бумаги: 82×110/32. Бумажных листов—1 $\frac{1}{2}$ Печатных листов 6. Знаков в печатном листе 39.400.

Свердловск, тип. Огиза треста Полиграфкнига
Заказ № 365. Тираж 7000.

2014149835